

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

ИЗМЕНА.

ВСЕ ГРАНИ
ИСТИННОСТИ

Екатерина Мордвинцева

Измена. Все грани истинности

<https://litres.ru/74211522>

Аннотация

Рейна знала: её брак с генералом-драконом Дамианом — союз по расчёту, скреплённый печатью короля, а не руной истинности. Она смирилась, потому что уважала его, а со временем — полюбила. Но однажды ночью она возвращается с задания раньше срока и застаёт мужа в объятиях другой женщины. Рыжеволосая красавица носит на запястье светящуюся метку истинной пары — ту, что магия сама дарует лишь раз в жизни.

Но сможет ли она простить, даже когда обман раскрыт? И захочет ли остаться с женщиной, чью постель разделила другая?

ДРУГИЕ КНИГИ ЛИТМОБА "ИЗМЕНА ПО-ДРАКОНЫИ

Содержание

Пролог (часть 1)	4
Пролог (часть 2)	12
Пролог (часть 3)	16
Пролог (часть 4)	21
Пролог (часть 5)	28
Глава 1.1	30
Глава 1.2	36
Глава 1.3	41
Глава 1.4	48
Глава 2.1	53
Глава 2.2	57
Глава 2.3	64
Глава 2.4	69
Глава 2.5	73
Глава 3.1	77
Глава 3.2	81
Глава 3.3	88
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Пролог (часть 1)

Ночь над крепостью Драконьего Пика была черна, как расплавленный обсидиан.

Луна спряталась за тяжёлыми тучами, и только редкие звёзды пробивали бархат неба робкими серебряными уколами. Ветер, родившийся где-то в горах Забытого Хребта, нёс запах хвои, мокрого камня и далёкого грома — хотя дождя ещё не было. Летучие мыши чертили в воздухе невидимые дуги, а в башнях крепости догорали последние факелы: ночная стража только что сменилась, и усталые солдаты расходились по казармам.

Никто не заметил тень, скользнувшую над зубчатой стеной.

Это была не летучая мышь. Это был дракон.

Огромный, чешуйчатый, с перепончатыми крыльями, которые почти не шевелились — силуэт планировал, используя восходящие потоки тёплого воздуха от нагретых за день скал. Его чешуя переливалась ночным сапфиром и антрацитом, сливаясь с темнотой. Глаза горели янтарным внутренним светом — тем особенным огнём, который отличает драконов-оборотней от их диких собратьев. В когтистых лапах он сжимал кожаную сумку с королевской печатью — грифон, пронзённый молнией.

Это была Рейна.

Леди Рейна эр'Ашер, урождённая баронесса Кровавого Утёса, жена генерала Дамиана эр'Ашера, командующего Пограничной армией Его Величества короля Фредерика. И по совместительству — королевский курьер, которому доверяли секретные поручения, о которых даже совет министров не знал.

Она любила эту работу. Любила превращение — резкий, болезненный, восхитительный всплеск магии, когда человеческие кости ломались и перестраивались, кожа твердела в чешую, а лёгкие наполнялись огненным дыханием. Любила полёт — чувство абсолютной свободы, когда под тобой проплывают леса и реки, а ветер треплет перепонки крыльев, как паруса. Любила возвращаться домой — в крепость, где её ждал он.

Дамиан.

Даже в звериной форме при одной мысли о муже её сердце пропускало удар. Глупо, конечно. Она была не юной девицей, а тридцатилетней женщиной, матерью (почти — выкидыш на третьем месяце пять лет назад так и остался незаживающей раной), воином, шпионом. Но стоило представить его лицо — волевое, с лёгкой небритостью, шрамом над левой бровью, тёплыми карими глазами, которые умели быть и ласковыми, и стальными, — и внутри всё переворачивалось.

Они поженились пять лет назад. Брак по договору, да. Клан эр'Ашер нуждался в союзе с её кланом, чтобы укрепить границы; её отец нуждался в деньгах. Их представили друг

другу на балу, они обменялись парой холодных фраз, подписали контракт, скрепили печатями. Никакой истинной пары. Никакой руны на запястье, которая засияла бы при встрече. Просто два взрослых человека, которые решили, что могут сосуществовать под одной крышей, не убив друг друга.

Но случилось неожиданное: они полюбили.

Это не было мгновенным ударом молнии. Это росло медленно, как дуб из жёлудя. Сначала — уважение: она видела, как он командует армией, как заботится о солдатах, как возвращается с полей битвы с окровавленным плащом, но первым делом идёт не к лекарю, а к ней — убедиться, что с ней всё в порядке. Потом — благодарность: когда она потеряла ребёнка, он три дня не отходил от её постели, держал за руку, шептал что-то бессвязное, и впервые она увидела его слёзы. Потом — привычка: пить утренний кофе вместе, спорить о политике, вместе разбирать донесения, вместе смеяться над придворными дураками. А потом, через два года после свадьбы, она поймала себя на мысли: если он умрёт, я не захочу жить.

Она не сказала ему этого вслух. Она вообще была скупа на слова любви. Но он, кажется, знал. Он догадывался. Он отвечал тем же — не громкими признаниями, а поступками. Каждое утро — свежие цветы на её прикроватном столике. Каждую её командировку — медальон с его локоном волос и заклинанием защиты. Каждую ночь, когда они оба были дома, — медленные, тёплые объятия, запах его кожи (дым,

кожа, мята), шёпот в темноте: «Ты — моё спокойствие».

Она верила, что это навсегда.

Она верила, что никакая ложная истинная пара не встанет между ними, потому что их чувства — настоящие, выстраданные, не навязанные магией.

Как же она ошибалась.

— Мы почти прилетели, — прошептала она сквозь звериную морду, хотя рядом никого не было. Привычка. В полёте она часто разговаривала сама с собой — это успокаивало нервы.

Крепость Драконьего Пика вырастала из скалы, как продолжение горы. Массивные башни из тёмного гранита, узкие бойницы, черепичные крыши, покрытые мхом. Центральная цитадель возвышалась над всем этим великолепием, увенчанная флагштоком с алым штандартом эр'Ашеров — дракон, обвивающий меч. Только сегодня, Рейна заметила, флаг висел не на вершине, а приспущен. Странно. Кто-то умер? Или это знак траура? Она не получала никаких известий.

Она планировала приземлиться во внутреннем дворе — там, где обычно тренировались солдаты. Но ночь уже была поздней, двор пустовал, и она решила, что лучше опуститься на личную террасу их крыла — ту, что примыкала к спальне Дамиана. Сюрприз будет полным: она вернулась на три дня раньше срока, потому что задание — доставить запечатанный свиток в южный форпост — оказалось пустой формальностью, и король лично разрешил ей возвращаться, махнув

рукой: «Езжай, драконша, а то твой муж мне уже всю плешь проел жалобами».

Она улыбнулась воспоминанию. Дамиан действительно не любил, когда она надолго уезжала. «Я генерал, — ворчал он в последнюю их встречу, неделю назад. — Я должен командовать сотнями солдат, а вместо этого не могу уснуть, потому что твоя подушка пахнет пустотой». Она тогда поцеловала его в нос, и он смутился — большой, суровый, закованный в чёрную броню, а краснеет как юнец.

Терраса приближалась. Рейна сложила крылья, выпустила когти, чтобы зацепиться за каменные перила, и с глухим стуком приземлилась на гранитные плиты. Обратное превращение было быстрым, но мучительным — каждый раз ломающиеся кости, сжимающаяся плоть, чешуя, втягивающаяся обратно в поры. Через несколько секунд она уже стояла на двух ногах, человеческая, голая, всклокоченная, тяжело дыша.

Из сумки она достала дорожный плащ — грубую серую шерсть — накинула на плечи. Сапоги надела второпях. Меч, верный "Вдовый Укус", пристегнула к поясу. Волосы — длинные, тёмно-каштановые, с проседью, появившейся после выкидыша — убрала в хвост.

— Сюрприз, любимый, — прошептала она с улыбкой и потянулась к дверной ручке, ведущей в спальню.

Ручка была тёплой.

Это удивило её. Ночь стояла прохладная, гранит всегда

казался ледяным, но металл хранил чужое тепло. Кто-то трогал её совсем недавно. Может, слуга? Но слуги не заходят в спальню господ без зова. И Дамиан не любил, чтобы кто-то прикасался к его вещам.

Она толкнула дверь.

Дверь не открывалась. Заперто изнутри.

— Странно, — пробормотала Рейна. Дамиан никогда не запирает спальню. Он говорил: «В моём доме не должно быть закрытых дверей для тебя». Это был один из тех маленьких жестов, которые убеждали её в его любви.

Она достала из сумки отмычку — ремесло королевского курьера многому учит — и через несколько секунд щёлкнула замком.

И тут её накрыло.

Запах.

Спальня пахла не так, как обычно.

Обычно здесь пахло Дамианом: дым, старая кожа, мята, чуть-чуть пота после тренировок, сухие чернила. Иногда к этому примешивался её собственный запах — лаванда, корица, чистый хлопок. Вместе их запахи сплетались в нечто уютное, родное, то, что она называла «запахом дома».

Сейчас дом пах иначе.

Сладко. Приторно. Тяжело.

Это был запах чужих духов — дешёвых, навязчивых, с нотами гнилых лилий и перезрелых фруктов. Под ним скрывался другой: мускус, пот, тепло разгорячённых тел. И ещё

один, самый страшный: запах самки на течке. Так пахнут драконицы в период гона — и драконы-мужчины не могут устоять.

Рейна замерла на пороге, не в силах сделать шаг.

Её ноздри раздувались, ловя каждую ноту этого отвратительного коктейля. Ладонь сама собой легла на рукоять меча. Сердце забилося где-то в горле.

«Не смей делать поспешных выводов, — сказала она себе. — Возможно, у Дамиана были гости. Возможно, он принимал кого-то из офицеров. Возможно, этот запах — от его любовницы. Нет, не думай об этом. Возможно, это вообще не наша спальня».

Но это была их спальня. Она узнала ковёр — олений мох, привезённый с севера. Узнала гардины — тяжёлый бардолит, подаренный королевой. Узнала светильники — кованое железо в форме драконьих голов.

И ещё она слышала звуки.

Из глубины комнаты, оттуда, где стояла кровать, доносился шёпот. Мужской стон. Женский смех — низкий, грудной, уверенный. Шорох простыней. Скрежет пружин.

Рейна не двигалась. Она превратилась в статую.

Её мозг отказывался обрабатывать информацию. Это какой-то кошмар. Это магическая иллюзия, посланная врагами. Это проверка на прочность, устроенная королём. Это всё, что угодно, только не реальность. Не с её мужем. Не с Дамианом, который каждое утро дарит ей цветы. Не с Дами-

аном, который держал её за руку, когда умирал их нерождённый ребёнок. Не с Дамианом, который шептал: «Ты — моё спокойствие».

Но ноги понесли её вперёд. Сами. Как во сне.

Она прошла мимо кресла, где обычно читал Дамиан. На подлокотнике висел его камзол — генеральский, с золотыми галунами. Рядом — женский плащ. Ярко-алый, шёлковый, расшитый золотыми нитями. Не её. Она носила только тёмные цвета: чёрный, серый, тёмно-синий.

Она прошла мимо столика с графином. Два бокала. Вино осталось на дне одного. На губах второго — следы чужой помады. Карминово-красной.

Она прошла мимо кованой ширмы, за которой они обычно переодевались. На спинке стула — женское платье. Почти прозрачное. Откровенное. Слишком маленькое для неё — Рейна была выше и шире в плечах.

Она прошла мимо камина. Огонь почти догорел, угли тлели багрянцем. На каминной полке — её портрет в серебряной рамке. Тот самый, где Дамиан нарисовал её спящей, с кошкой на коленях. Он сам его написал, хотя никогда не учился живописи. «Ты красивая, когда не командуешь», — сказал он тогда.

И вот теперь она стояла у изножья кровати.

Пролог (часть 2)

Кровать была смята.

Это было первое, что бросилось в глаза. Простыни — шёлк цвета слоновой кости — сбились в ком, подушки разбросаны, одеяло сползло на пол. Посередине этого хаоса, обнажённые, переплетённые, лежали двое.

Дамиан.

И женщина.

Рейна узнала мужа даже в полумраке. Его широкие плечи, тёмные волосы, рассыпавшиеся по подушке, родинка на левом предплечье — туда она любила целовать его перед сном. Он лежал на спине, одной рукой прижимая к себе незнакомку, другой — сжимая край простыни. Его грудь поднималась тяжело, прерывисто, как после долгой скачки. Лицо было повёрнуто в сторону — Рейна видела его профиль, скулы, шрам над бровью, полуоткрытые губы. Глаза закрыты.

Он был прекрасен. И отвратителен одновременно.

Женщина, прижавшаяся к нему, была полной противоположностью Рейны. Там, где Рейна была тёмной, строгой, угловатой, эта — пылала. Рыжие волосы, цвета медной проволоки, разметались по подушке огненным нимбом. Кожа — молочная, без единого изъяна, как у мраморной статуи. Губы пухлые, алые — не краска, природный цвет. Тело — плавные изгибы, узкая талия, высокая грудь, длинные ноги.

Она устроилась на груди Дамиана, как кошка, положив голову ему на плечо и лениво водя пальцем по его ключице.

Рейна смотрела на это зрелище с ледяным спокойствием, которое её саму пугало.

Она ожидала, что сейчас закричит. Или заплачет. Или бросится на них с мечом. Или превратится в дракона и сожжёт эту комнату дотла.

Вместо этого она просто стояла и рассматривала детали, как следователь на месте преступления.

Вот её любимая подушка — та, на которой она спала пять лет — валяется на полу, и на ней рыжий волос. Вот на прикроватном столике стоит флакончик — масло для массажа, то самое, которое Дамиан использовал для неё. Теперь он использовал его для другой. Вот простыни в пятнах — Рейна не хотела думать, каких.

А потом она увидела руны.

Сначала — на запястье женщины.

Там, где у истинных пар сияет метка, горело золото. Не тусклое, не мерцающее — яркое, ослепительное, пульсирующее в такт сердцу. Руна была сложной — переплетение драконьих крыльев, пламени и какой-то древней вязи, которую Рейна не могла прочесть. Она знала такие руны: их рисует сама магия, выбирая двух людей, чьи души идеально подходят друг другу.

А затем она посмотрела на предплечье Дамиана — туда, где родинка.

Над родинкой, чуть выше локтя, проступала такая же руна. Но тусклая. Неуверенная. Словно кто-то нарисовал её разбавленными чернилами. Она не светилась — скорее тлела, как уголь, присыпанный пеплом. И выглядела... выжженной. Будто магия пыталась пробиться сквозь кожу, но наталкалась на преграду.

Рейна знала, что это значит.

Это значит, что магия признала их истинной парой.

Дамиана — и эту женщину.

Не Рейну.

Рейна никогда не была его истинной. У неё не было руны на запястье — только татуировка, знак их брачного контракта, на левом плече: стилизованный дракон и волчица, символы двух кланов. Эта татуировка никогда не светилась. Она была просто чернилами, а не магией.

Пять лет Рейна смирилась с этим. Она говорила себе: «Истинность — это дар богов, но не единственный путь к любви. Мы выбрали друг друга сами, без принуждения. Это сильнее любой магии».

Теперь, глядя на светящуюся руну на чужом запястье, она поняла, что обманывала себя.

Истинность была сильнее. Магия побеждала.

Потому что Дамиан, её муж, который клялся в верности, лежал сейчас с другой. И магия заставляла его хотеть эту другую. И он не мог сопротивляться. И это было страшнее, чем если бы он изменил по собственной воле. Потому что

это означало: она, Рейна, проиграла не женщине. Она проиграла самой вселенной.

Где-то глубоко в сознании что-то щёлкнуло.

Рейна перестала чувствовать.

Эмоции отключились, как лампочки в коридоре, когда выбивает пробки. Осталась только пустота. Холодная, прозрачная, бесконечная. В этой пустоте было легко мыслить.

Она подумала: «Как некстати, что я не захватила с собой кинжал для разделки туш. Я бы сейчас им с удовольствием воспользовалась».

Она подумала: «Интересно, слуги знают? Как они посмотрят на меня завтра утром?»

Она подумала: «Король даст мне развод? Или закон на стороне истинной пары?»

Она подумала: «А почему я не плачу?»

Последнее было самым странным. Она должна была плакать. Разве не так поступают женщины, которые находят мужей в постели с любовницами? Разве не рыдают в голос, не рвут на себе волосы, не падают в обморок? Она была готова к этому — к горю, к отчаянию, к крику. Но вместо этого внутри зияла дыра, и из этой дыры не вылетало ничего.

Возможно, слёзы придут позже. Когда она останется одна. Когда обработает эту информацию. А пока — она просто наблюдатель, безликий, безымянный. Бесплотный дух, который случайно забрёл в чужой кошмар.

Но тут женщина открыла глаза.

Пролог (часть 3)

Это произошло внезапно — рыжеволосая красавица повернула голову, и их взгляды встретились.

Глаза у неё были зелёные. Не просто зелёные — изумрудные, с золотыми крапинками, огромные, обрамлённые густыми ресницами. Глаза кошки, которая загнала мышь в угол. Глаза победительницы.

Она не испугалась. Не удивилась. Не покраснела от стыда. Она улыбнулась.

Медленно, лениво, с превосходством. Как будто давно ждала этого момента. Как будто специально хотела, чтобы Рейна их застала.

— О, — выдохнула женщина с притворным смущением. — Какая неприятность.

Голос у неё был низкий, грудной, со сладкой хрипотцой — как молоко с мёдом. Он пропитал комнату, обволакивая каждый уголок. Рейна почувствовала, как этот голос щекочет её барабанные перепонки, и ей стало физически дурно.

— Леди Рейна, — продолжала женщина, не делая попытки прикрыться. Наоборот, она ещё теснее прижалась к Дамиану, положив ладонь ему на грудь. — Вы вернулись раньше. Как неосмотрительно с вашей стороны. Вы могли бы помешать нашему... разговору.

«Разговору». Рейна мысленно отметила эвфемизм. Слов-

но они обсуждали политику, а не совокуплялись в её постели.

Дамиан тоже открыл глаза.

Сначала он посмотрел на женщину — с недоумением, как будто не понимал, почему она вдруг заговорила. Потом его взгляд скользнул к дверям.

И замер.

Рейна видела, как меняется его лицо. Медленно, по миллиметру, краска отливала от щёк. Сначала исчез румянец — осталась бледность. Потом бледность стала серой. Потом серой, с зеленоватым оттенком — цветом утопленника. Глаза распахнулись так широко, что стали почти круглыми. Зрачки расширились, превратившись в чёрные дыры. Губы задрожали.

— Рейна, — прошептал он. Один звук — и в нём было всё: ужас, стыд, мольба, отрицание. — Нет. Нет, нет, нет...

Он попытался встать.

Женщина удержала его.

Её пальцы впились в его плечо с неожиданной силой. И одновременно с этим на запястье Дамиана вспыхнула руна — тусклая, но ощутимая. Он замер, будто его парализовало. Глаза закатились на секунду, потом сфокусировались снова. Он посмотрел на Рейну — и в этом взгляде была такая боль, что у неё заныло в груди.

Но боль была не её. Или её? Она уже не разбирала.

— Рейна, это не то, что ты думаешь, — выдохнул Дамиан.

— Я не... Она просто... Она моя истинная, я не мог...

«Она моя истинная».

Рейна услышала эти слова, и пустота внутри неё налилась свинцом.

«Я не мог».

Правильно. Не мог. Потому что магия сильнее клятв. Потому что истинная пара — это судьба. А она, Рейна, — просто временное утешение, которое использовали, пока не пришла настоящая.

Она молчала.

Дамиан смотрел на неё, и его глаза наполнялись слезами. Генерал-дракон, командующий Пограничной армией, герой трёх войн, мужчина, который не плакал даже когда его ранили почти насмерть — сейчас стоял на коленях на смятой постели, обнажённый, с чужой женщиной в объятиях, и слёзы текли по его щекам.

— Рейна, прошу тебя, — его голос ломался. — Дай мне объяснить.

Она продолжала молчать.

Женщина — Лириана, как Рейна позже узнает её имя — смотрела на эту сцену с плохо скрываемым удовольствием. Её зелёные глаза сверкали. Она провела рукой по волосам, откинула рыжую гриву за спину и, не обращая внимания на присутствие законной жены, медленно накинула шёлковый халат, который висел на спинке кровати.

— Дорогой, — сказала она Дамиану с укоризной. — Ты же

знаешь закон. Истинную пару нельзя скрывать. Леди Рейна, как умная женщина, должна всё понимать.

Леди Рейна, как умная женщина, понимала.

Она понимала, что её брак кончился.

Понимала, что король встанет на сторону истинной пары, а не на сторону договорной жены.

Понимала, что её выгонят из этого дома, из этой крепости, из этого клана.

Понимала, что Дамиан, возможно, действительно любил её — но любовь не имела значения перед магией.

И понимала, что сейчас, в эту самую секунду, она должна что-то сделать. Не стоять столбом. Не ждать, пока они её выпроводят. Не позволить этой рыжей дряни наслаждаться своим триумфом.

Она сделала единственное, что пришло ей в голову.

Она молча сняла обручальное кольцо.

Это было красивое кольцо — платина с рубином, подаренное Дамианом в день свадьбы. Внутри гравировка: «Ни огонь, ни время». Рейна носила его пять лет, не снимая даже во время превращений — магия кольца позволяла чешуе обтекать его. Оно было частью её. Частью их.

Теперь она сжала его в кулаке. Металл нагрелся от её ладони. Рубин больно впился в кожу.

Она посмотрела на Дамиана. Он протянул к ней руку, умоляюще, как утопающий — к соломинке.

— Рейна, не надо...

Она разжала пальцы.

Кольцо упало на пол. Ударилось о гранит. Звякнуло — тихо, насмешливо. Покатилось — под кровать, в темноту, где ему и место.

Дамиан издал звук, похожий на скулёж раненого зверя.

А Рейна повернулась и пошла к выходу.

Пролог (часть 4)

Она шла медленно. Не потому что хотела дать им шанс её догнать. А потому что ноги не слушались. Каждый шаг давался с трудом, будто гранит пола превратился в болотную трясину, засасывающую по щиколотку.

Сзади раздался шум. Дамиан попытался встать — пружины кровати скрипнули. Но следом — мягкий, но властный голос Лирианы:

— Не смей. Ты не можешь уйти от истинной. Закон.

И звук — как будто рука схватила другую руку. И тихий всхлип Дамиана: «Пусти». И снова тот же голос: «Я не пущу. Ты мой. Магия сказала».

Рейна не обернулась.

Она перешагнула порог спальни и оказалась в коридоре. Тёмном, каменном, пахнущем сыростью и старыми коврами. Где-то далеко горела свеча — тусклый жёлтый глаз в чёрной стене. Ночная стража сменилась, слуги спали, крепость замерла в неестественной тишине — как перед бурей.

Она побрела вперёд. Туда, где была лестница. Потом — внутренний двор. Потом — ворота. Она не знала, куда идёт. Она знала только, что не может оставаться здесь ни секунды.

«Надо взять вещи, — подумала она механически. — Хотя бы меч. Документы. Деньги».

Но она уже взяла всё самое ценное: свой меч был на поясе,

сумка с королевской печатью висела на плече, в кошельке звенели монеты. Остальное — платья, украшения, книги — не имело значения. Вещи не заменят дом.

Дом был там. С ним. С ними.

Она вышла во внутренний двор. Луна выглянула из-за туч, залив гранитные плиты молочным светом. Посередине двора стоял колодец — древний, увитый плющом. Рядом — скамейка, на которой они с Дамианом любили сидеть летними вечерами, пить вино и смотреть на звёзды. Она села на эту скамейку тысячу раз. Сегодня — больше никогда.

«Слёзы бы сейчасгодились, — подумала она. — Хотя бы чтобы увлажнить глаза. Сухость уже режет».

Но слёз не было.

Только холод. Только пустота.

Она подняла лицо к небу. Звёзды насмехались над ней, выстраиваясь в те же созвездия, что и в ту ночь, когда она согласилась выйти замуж за Дамиана. Та ночь была ветреной, на плечи накинули меховую мантию, отец шепнул: «Он хороший человек». А Дамиан тогда улыбнулся, взял её за руку и сказал: «Я постараюсь сделать тебя счастливой».

Он старался. Пять лет старался. И преуспел — она была счастлива. Пока сегодня не пришла истинная.

«Какая ирония, — подумала Рейна. — Мы боялись войны с соседним королевством. Мы боялись чумы, голода, предательства соратников. А нас убила любовь. Не наша — чужая».

Она сидела так, не зная сколько. Минуты? Часы? Луна успела сместиться к горизонту. Звёзды потускнели. Где-то за стенами крепости запел петух — первый, робкий, спросонья.

Надо было уходить.

Она встала. Пошла к воротам. Стража узнала её — поклонилась, открыла калитку. Они смотрели на неё с недоумением: почему леди возвращается ночью, да ещё пешком, да ещё без сопровождения? Но никто не спросил. Дисциплина.

Она вышла за крепостные стены.

Там, за стенами, начинался Западный тракт — дорога, уходящая в лес, к ближайшему городу. Рейна сделала несколько шагов по пыльной земле, потом остановилась.

«В драконьей форме я доберусь быстрее, — подумала она. — Но превращение сейчас... Оно потребует концентрации. А я не уверена, что не разорву себя на части в этом состоянии».

Она решила идти пешком. Хотя бы до развилки, где можно было поймать торговый обоз.

Шаг. Ещё шаг.

Сзади послышался топот.

Она не обернулась. Она знала, чьи это шаги — тяжёлые, солдатские, с лёгкой хромотой на правую ногу (старая рана). Дамиан.

Он настиг её за воротами. Выбежал из крепости босиком, в одних штанах, без рубашки, волосы растрёпаны, на лице — отчаяние. Он догнал её, схватил за плечо, развернул к себе.

— Рейна, пожалуйста! — Его голос сорвался на крик. — Дай мне секунду! Только минуту!

Она посмотрела на его руку на своём плече. Потом в его глаза. В них плескалась такая тоска, что у неё внутри что-то болезненно сжалось. Но пустота была сильнее.

— Убери руку, Дамиан.

— Нет. Я не отпущу тебя, пока ты не выслушаешь.

— Убери руку, или я убегу её с частью твоей плоти, — спокойно сказала она, и её пальцы легли на рукоять меча.

Он отдернул руку, как от огня. Но не отошёл. Встал перед ней, загораживая дорогу, дыша тяжело и прерывисто. Холодный ночной воздух обжигал его обнажённую грудь, но он не замечал.

— Я не знаю, как это объяснить, — забормотал он. — Она пришла сегодня, на закате. Сказала, что её направил король с донесением. Мы разговаривали, и вдруг... у меня на руке засветилась руна. У неё тоже. Я не хотел этого, Рейна. Я боролся. Но магия... она сильнее. Она заставила меня...

— Заставила тебя раздеться? Заставила тебя лечь с ней в мою постель? Заставила тебя кончить в неё, пока я на задании? — Рейна произнесла эти слова так же спокойно, как обсуждала погоду. Но каждое слово было ножом.

Дамиан побелел.

— Я... я не помню... Я не хотел...

— Неважно, что ты хотел, — перебила она. — Важно, что ты сделал. А ты сделал это. С ней. Теперь она твоя истинная.

Поздравляю. Будьте счастливы.

— Нет! — Он попытался снова схватить её, но она отшатнулась. — Ты моя жена! Я выбрал тебя! Истинная пара не имеет значения!

— Имеет, — холодно сказала Рейна. — Закон имеет. Король имеет. Магия имеет. А твои желания — нет. Ты сам сказал: «Я не мог». Значит, не мог. Значит, всё кончено.

Дамиан рухнул на колени прямо в пыль тракта. Его плечи затряслись. Он плакал — беззвучно, по-мужски, не скрывая слёз. Он цеплялся за её плащ, за подол, за сапоги. Он шептал: «Прости, прости, прости», как молитву.

Рейна стояла над ним, и внутри неё бушевала буря.

Она хотела ударить его. Обнять. Убить. Поцеловать. Упасть рядом и зарыдать вместе с ним. Спросить: почему? Как? За что? Она хотела всё забыть, сделать вид, что не видела, и вернуться в спальню, и лечь рядом, и притвориться, что ничего не случилось.

Но она не могла. Потому что это случилось. И правда была на стороне рыжей.

— Встань, Дамиан, — сказала она тихо. — Ты генерал. Не позорься перед солдатами.

Он поднял лицо — мокрое, красное, с размазанными по щекам слезами.

— Мне плевать на солдат. Мне плевать на короля. Мне плевать на закон. Ты нужна мне.

— Ты нуждался во мне, пока не появилась она. А теперь

твоя нужда переключилась. Так работает магия. Не вини себя. Но и меня не вини, что я не хочу быть второй.

Она обошла его, обогнула, продолжила путь.

— Рейна! — крикнул он в спину. — Я найду способ! Я разорву эту связь! Я обращусь к ведьмам, к богам, к кому угодно! Я верну тебя!

Она не ответила.

Она шла по тракту, босая (она сняла сапоги, потому что они натирали), в одном плаще, с мечом на поясе. Вдали забрезжил рассвет — бледный, молочный, без единого луча. Небо окрасилось в цвет старого льна.

И только когда крепость Драконьего Пика скрылась за поворотом, и она осталась одна на пустынной дороге, окружённая вековыми соснами, — только тогда слёзы пришли.

Они вырывались наружу не рыданиями, а молчаливыми ручьями. Текли по щекам, капали на плащ, на пыльную землю, исчезали, не оставляя следа.

Она не вытирала их. Не сдерживала. Просто шла и плакала — беззвучно, тихо, как плачут только очень сильные люди, когда ломается что-то внутри, что никогда не восстановится.

«Слёзы были бы пощёчиной той женщине, которой она была пять минут назад», — подумала Рейна.

Пять минут назад она была женой, любимой, счастливой. А теперь она была никем.

Пустотой.

Тенью, бредущей по тракту навстречу рассвету, который не принёс тепла.

Пролог (часть 5)

К утру она добрела до постоянного двора «Три сосны».

Это было убогое заведение — бревенчатые стены, драная соломенная крыша, вывеска с изображением трёх кривых деревьев. Но Рейна не искала роскоши. Она искала тишину, тёплый угол и что-нибудь крепкое, чтобы залить внутреннюю пустоту.

Хозяин — толстый, лысый, с красным носом — подозрительно уставился на неё.

— Леди, вы одна? В таком виде? С мечом?

— Сдайте комнату, — сказала Рейна, бросив на стойку кошелёк. — И принесите кувшин вина. Самого крепкого.

— У нас только эль.

— Эль тоже подойдёт.

Она поднялась в комнату — крошечную клетушку с продавленной кроватью и замызганным окном. Скинула плащ, меч положила рядом. Села на кровать, обхватив колени руками, и уставилась в стену.

Эль принёс мальчик-слуга. Рейна пила из горла, большими глотками, почти не чувствуя вкуса. Хмель не брал — горе было сильнее алкоголя.

Она думала.

О том, что скажет король. О том, что скажет отец. О том, что скажут подруги — те немногие, кто у неё был.

Она думала о будущем: одинокая, бездомная, без клана, без мужа. Ей тридцать, она бесплодна (после выкидыша лекари сказали, что шансы на повторную беременность ничтожны), за ней нет приданого (всё ушло на войну), и единственный талант — убивать. Хороший талант для наёмницы.

«Может, подамся в королевскую гвардию, — подумала она мрачно. — Или в разведку. Всё равно я там уже числюсь».

Она допила эль, швырнула кружку в угол, повалилась на кровать.

Подушка пахла плесенью и чужой грязью. Не домом. Не Дамианом. Ничем.

Она закрыла глаза и провалилась в беспокойный сон, полный обрывков: рыжие волосы, золотые руны, мужской плач, и её собственный голос, повторяющий: «Я не плачу, я не плачу, я не плачу».

А за окном занимался новый день — холодный, серый, безжалостный.

Тот день, когда закончилась одна жизнь и началась другая.

Книга пишется в рамках литмоба “Измена по-драконьи”

**Хотела любви - получила измену. Что ж, соберу себя и начну с чистого листа. Без дракона.

 <https://litnet.com/shrt/30W2>**

Глава 1.1

Храм Безмолвной Луны стоял на отшибе — там, где Западный тракт сворачивал к северу, а вековой лес расступался, образуя естественную чашу. Его не строили люди. Говорили, что храм вырос сам собой из земли в ночь великого затмения, триста лет назад, когда богиня Луна пролила слёзы на поле битвы, и там, куда падали её слёзы, вырастали белые камни, складываясь в стены, арки, алтари.

Теперь это был женский монастырь — место, куда уходили вдовы, осиротевшие девушки и те, кто искал тишины, не находя её в мире. Монахини Безмолвной Луны давали обет молчания: они не разговаривали между собой, не отвечали на вопросы, не произносили имён. Они общались жестами, взглядами и короткими записками на пергаменте, которые тут же сжигали в ритуальной чаше.

Рейна выбрала этот храм не потому, что стремилась к благочестию. Она выбрала его потому, что здесь её не стали бы расспрашивать.

Она прибыла на рассвете второго дня после побега из крепости Драконьего Пика. Пешая, грязная, с опухшими от слёз глазами и мечом, который она так и не вынула из ножен. Монахиня-привратница, закутанная в белое с серебряной вышивкой, открыла ей дверь, молча посмотрела в лицо и так же молча кивнула — входи, мы не задаём вопросов.

Рейна вошла.

Внутри храм оказался ещё более странным, чем снаружи. Вместо рядов скамей — каменный пол, выложенный мозаикой из лунного камня, который светился собственным призрачным светом даже днём. Вместо алтаря — огромная чаша с водой, в которой отражалось небо, даже когда над головой был потолок. Вместо сводов — звёздная карта, выложенная серебром по тёмному мрамору, с вращающимися колёсами, которые имитировали движение небесных тел.

Воздух пах ладаном, холодной водой и чем-то неуловимым — возможно, самой вечностью.

Монахиня отвела Рейну в келью: крошечную комнату с узкой кроватью, деревянным распятием, столом и табуретом. В углу стоял кувшин с водой и миска с овсяной кашей — единственная еда, которую подавали здесь. Рейна не притронулась к каше. Она села на кровать, обхватила колени руками и просидела так до вечера.

Мысли бродили хаотично, как муравьи в разорённом муравейнике.

«Король узнает. Конечно, узнает. Дамиан наверняка уже отправил гонца. Или Лириана. Они будут изображать из себя идеальную истинную пару, а меня выставят безумной ревнивицей, которая не может смириться с волей магии».

«Отец будет разочарован. Он предупреждал меня: «Не привязывайся к нему, дочь. Браки по договору редко приносят счастье». А я не послушала. Я влюбилась. И вот резуль-

тат».

«Что будет с моими вещами? Платья, книги, украшения — всё осталось там. Дамиан, наверное, уже приказал выбросить их. Или Лириана носит их, примеряет перед зеркалом, смеётся...»

Она зажмурилась, отгоняя это видение.

«Не думай о них. Думай о следующем шаге».

Но следующего шага не было. Была только пустота, растянувшаяся до горизонта.

На второй день она всё же поела — немного, через силу. Затем вышла во внутренний двор, где рос единственный в храме дуб, старый, корявый, обнимающий корнями каменную кладку. Села под ним, прислонилась спиной к стволу и закрыла глаза.

Ветер шевелил листву. Где-то за стенами пела птица — одну и ту же грустную песню, снова и снова. Рейна подумала, что, возможно, эта птица тоже потеряла что-то важное. Или кого-то.

— Леди Рейна?

Она вздрогнула. Рядом, почти бесшумно, возникла молодая монахиня — лет двадцати, с бледным лицом, большими серыми глазами и коротко стриженными русыми волосами. На поясе у неё висела связка ключей — знак того, что она не простая послушница, а казначей или привратница.

Рейна молча смотрела на неё.

Монахиня протянула небольшой лист пергамента, сло-

женный втрое. На внешней стороне — королевская печать: грифон, пронзённый молнией.

— Гонец пришёл час назад, — беззвучно прошептала монахиня (она не нарушала обет — она просто шевелила губами, почти без звука, но Рейна прочла по ним). — Король Фредерик требует вашего присутствия во дворце через три дня.

Рейна взяла пергамент. Руки не дрожали. Это удивило её — после всего, что случилось, она ожидала, что её тело рассыплется на куски. Но нет, пальцы были твёрдыми, как сталь.

Она развернула письмо.

Королевский почерк — каллиграфический, с завитушками, торжественный до зубовного скрежета:

«Леди Рейна эр'Ашер, урождённая баронесса Кровавого Утёса.

По воле Его Величества короля Фредерика III, хранителя Драконьих Земель, защитника Истинной Магии, повелевающего небом и землёй, вы обязаны явиться в Королевский Дворец в день летнего солнцестояния, третьего дня от сего, для рассмотрения дела о расторжении вашего брака с генералом Дамианом эр'Ашером в связи с явлением истинной пары.

Неявка будет расценена как согласие с решением королевского суда.

Да пребудет с вами свет Луны».

Рейна перечитала письмо дважды. Потом — третий раз.

Потом сложила его обратно и сунула за пояс.

— Передайте гонцу, что я прибуду, — сказала она монахине. Та кивнула и бесшумно удалилась.

«Летнее солнцестояние, — подумала Рейна. — Традиционный день для казней и свадеб. Король любит театральность».

Она осталась под дубом, глядя на то, как солнечные лучи пробиваются сквозь листву, оставляя на земле золотые кружева. Красиво. Как в тот день, когда Дамиан впервые сказал ей «люблю».

Ирония судьбы: тогда тоже было лето, тоже солнцестояние, и они стояли на балконе крепости, и он обнимал её за плечи, и говорил: «Я не знаю, заслуживаю ли тебя, но я буду стараться каждый день». Она тогда засмеялась и ответила: «Ты уже стараешься. И это главное».

А сейчас она сидела под дубом в храме для молчаливых вдов, и её муж спал с другой, и закон был на стороне соперницы, и король требовал её присутствия, чтобы официально вышвырнуть её из жизни, которую она строила пять лет.

«Я прибуду, — мысленно повторила она. — И я не буду плакать. Я не буду умолять. Я не буду устраивать сцен. Я скажу: да, развод. Да, она его истинная. Да, я уйду. И всё». Просто. Холодно. Достоинно.

Она почти поверила в это.

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новинку лит-

моба “Изнамена по-драконьи” от Луна Морри и Анжелики Шторм - “Развод по-драконьи. Хозяйка ягодной лавки”

Жених изменил, ударил. Разорвала помолвку, уехала открывать бизнес, думала, что все, свобода! Но женишок явился, не один, а с извинениями и просьбой о помощи...

<https://litnet.com/shrt/ii4z>

Глава 1.2

На третий день в храме случилось то, чего Рейна не ожидала: к ней пришёл Дамиан.

Не сам — он не посмел бы явиться в святое место после того, что сделал. Но его посланец: молодой оруженосец, мальчик лет шестнадцати, с веснушчатым лицом и перепуганными глазами. Он нашёл её в том же внутреннем дворе, куда она теперь выходила каждый день, словно привязанная к дубу.

— Леди Рейна, — мальчик поклонился так низко, что едва не стукнулся лбом о землю. — Генерал Дамиан просил передать вам это.

Он протянул конверт из плотной чёрной бумаги — с гербом эр'Ашеро́в, сургучной печатью, даже с шёлковой ленточкой. Всё по правилам, всё торжественно. Словно он писал не жене, которую предал, а иностранному послу.

Рейна взяла конверт. Не вскрыла. Посмотрела на оруженосца:

— Ты ждёшь ответа?

Мальчик замялся.

— Генерал... он сказал, что будет ждать, сколько потребуется. Что он не уйдёт, пока вы не прочитаете. Он внизу, у ворот храма. Ждёт.

— Он пришёл сам?

— Он ждёт у ворот, — повторил мальчик, боясь поднять глаза. — Он... он не может войти. Монахини не пускают мужчин. Но он сказал, что будет сидеть там, пока вы не ответите. Даже если на это уйдёт неделя.

Рейна почувствовала, как внутри что-то ёкнуло. Потом — как стальная плита опустилась поверх этого ёканья, придавив, заморозив.

«Он ждёт у ворот. Как верный пёс, которого выгнали из дома. Искушает вину. Жалкое зрелище».

— Передай своему генералу, — сказала она ледяным тоном, — что его письмо будет прочитано. Но не сейчас. И ответа не будет.

Мальчик поклонился и убежал.

Рейна осталась одна с чёрным конвертом в руках.

Она долго смотрела на него. На сургучную печать, на которой дракон обвивал меч — тот самый символ, который она носила на своей татуировке. На изящный почерк адресата: «Леди Рейне эр'Ашер, в храм Безмолвной Луны, лично». Дамиан всегда писал красиво — с нажимом, с завитушками, как настоящий аристократ. В отличие от неё, которая царапала буквы, словно курица лапой.

«Что он мог написать? — думала она. — Прости меня? Я не хотел? Это всё магия? Возможно. И что с того? Магия не отмычка. Отмычка открывает двери. А магия просто показывает, что у него есть ключ от другой комнаты».

Она не хотела читать. Она хотела сжечь письмо, не глядя.

Истребить его, как истребляла все надежды последних трёх дней.

Но любопытство оказалось сильнее.

Она надломила печать, развернула плотный лист бумаги, исписанный мелким, торопливым почерком — совсем не таким красивым, как на конверте. Словно он писал в спешке, дрожащей рукой, зачёркивал, переписывал заново.

«Рейна.

Я не знаю, прочтёшь ли ты это. Я не знаю, захочешь ли ты меня слышать. Но я должен написать. Должен попытаться. Потому что если я промолчу — я умру.

Та ночь была ошибкой. Не просто ошибкой — проклятием. Я не хотел этого. Я не хотел её. Клянусь своей магией, клянусь драконьей кровью, клянусь всем, что для меня свято: если бы я мог повернуть время, я бы лучше отрубил себе руку, чем позволил ей прикоснуться ко мне.

Но магия сильнее. Ты знаешь это. Магия истинности не спрашивает. Она приходит и забирает. Я боролся. Я правда боролся. Я говорил ей „нет“, когда она вошла в мою комнату. Я сказал ей уйти. А потом моя рука засветилась, и мир померк, и я ничего не помню, кроме... кроме того, что очнулся уже рядом с ней, а ты стояла в дверях.

Я не прошу прощения. Потому что прощение нужно заслужить. А я пока не заслужил. Я прошу одного: дай мне время. Дай мне возможность всё исправить. Я найду способ разорвать эту связь. Я обойду всех ведьм в королевстве, пе-

реверну каждую библиотеку, украду любой артефакт. Я сделаю невозможное. Только не уходи навсегда.

Ты — моя жизнь, Рейна. Не магия. Не истинная. Ты. Та, которая пила со мной кофе по утрам. Та, которая спала, положив голову мне на плечо. Та, чей смех звучал громче любой фанфары.

Я не отпущу тебя. Даже если король прикажет. Даже если закон велит. Даже если весь мир скажет, что ты мне не пара.

Я люблю тебя. Не руной — сердцем.

Дамиан».

Рейна прочитала письмо один раз. Потом второй. Потом третий.

И каждый раз её лицо оставалось неподвижным, как маска.

Ни одна мышца не дрогнула. Ни одна слезинка не выкатилась. Только внутри, глубоко-глубоко, где-то под рёбрами, что-то заныло — тупо, но настойчиво, как зубная боль.

«Он любит меня, — подумала она. — Он правда любит. Я это знаю. Я всегда знала. Но любовь не отменяет того, что он сделал. И того, что магия теперь связывает его с другой. И того, что король признает эту связь. И того, что я — лишняя. Запасной вариант. Временная остановка на пути к настоящей».

Она сжала письмо в кулаке.

«Нет. Не буду читать это больше. Не буду надеяться. Не буду ждать, пока он „найдёт способ“. Он не найдёт. Никто не

находил. Истинная пара — это навсегда. А я — это никогда».

Она поднялась со скамьи, прошла к ритуальной чаше, стоявшей посреди двора. В ней всегда тлел священный огонь — маленький, почти незаметный днём, но упрямый, не гаснущий даже под дождём. Монахини подбрасывали в него сухие листья, ветки, а иногда — записки с молитвами.

Рейна бросила письмо в огонь.

Чёрная бумага вспыхнула мгновенно. Пламя лизнуло край конверта, побежало по строчкам, пожирая слова. «Я люблю тебя» превратилось в пепел за секунду. «Ты — моя жизнь» сгорело ещё быстрее.

Рейна смотрела, как письмо корчится в огне, как чернеют края, как поднимается дым — едкий, горький, пахнущий горелой надеждой.

«Вот так, — сказала она себе. — Вот так я сжигаю прошлое. Легко. Быстро. Без сожалений».

Она почти поверила в это.

Но пепел, осевший на её пальцах, был горячим. И она не страхнула его.

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новинку лит-моба “Измена по-драконьи” от Лиры Кумира - “Истинности вопреки”. Еще вчера Эвелин была уверена, что ее брак идеален. Но иногда одной-единственной фразы достаточно, чтобы разрушить мир, который строился годами. <https://litnet.com/shrt/Yy1N>

Глава 1.3

В тот же вечер, когда солнце уже скрылось за верхушками сосен, а храм погрузился в мягкий серебряный полумрак, Рейна услышала шаги.

Не монашеские — лёгкие, крадущиеся. Не её собственные — она сидела неподвижно, глядя на потухающие угли в чаше.

Кто-то вошёл во двор.

Рейна машинально положила руку на меч. Но тут же убрала — она узнала этот запах. Лаванда, корица, чистый хлопок. И ещё — слабый, почти незаметный аромат целебных трав: ромашка, календула, зверобой.

— Ты могла бы предупредить, что превратилась в отшельницу, — раздался мягкий, с лёгкой хрипотцой голос. — Я бы принесла еду нормальную, а не эту монастырскую баланду.

Рейна обернулась.

У входа стояла женщина лет тридцати пяти, высокая, статная, с копной золотистых волос, уложенных в сложную причёску, с которой выбивалось несколько непослушных прядей. Её платье было ярко-синим, с серебряной вышивкой по вороту и рукавам — слишком нарядным для храма, но именно таким, какое носила она. Тёплые карие глаза, прямой нос, пухлые губы, сложенные в насмешливую улыбку. На поясе — сумка с лечебными склянками, побрякивающи-

ми при каждом шаге.

Леди Серафина эр'Валлис, главный целитель Северных Земель, лучшая подруга Рейны, а также единственный человек, который мог разговаривать с ней на равных, не боясь ни её меча, ни её языка.

— Сефи, — только и сказала Рейна. Голос прозвучал хрипло — она почти не говорила последние дни.

— Она самая, — Серафина подошла ближе, села на скамью рядом, не спрашивая разрешения. — Ты выглядишь как говно, дорогая. Прости за прямоту.

— Я и чувствую себя как говно.

— А могла бы чувствовать себя как королева. Потому что ты — королева. По крайней мере, в моём сердце. — Серафина полезла в сумку, извлекла оттуда плоскую флягу, отвинтила крышку, протянула Рейне. — Пей. Бренди. Настоящее, из южных провинций. Не то пойло, которое тут разливают.

Рейна взяла флягу, сделала глоток. Жидкость обожгла горло, растеклась теплом по груди. Хорошо. Больно. Нужно.

— Откуда ты узнала, что я здесь? — спросила она, возвращая флягу.

— Мир тесен, а сплетни быстрее драконьего полёта. К тому же, — Серафина усмехнулась, — твой дражайший муж прислал гонца к королю, тот — ко мне, с просьбой «повлиять на жену». Представляешь? Он думает, что я уговорю тебя вернуться.

— И уговоришь?

— Конечно, нет. Я пришла не уговаривать. Я пришла узнать, жива ли ты и нужна ли тебе помощь. Судя по виду — нужна. — Серафина внимательно посмотрела на неё. — Ты не спала, не ела, пила эль в какой-то забегаловке на тракте, потом три дня сидела тут, глядя на этот дуб. Я права?

— Почти. Я ещё письмо мужа сожгла. Добавь в список.

— Умница. Сжигать — полезно. Выводит токсины. — Серафина сделала глоток из фляги, протянула её снова. Рейна покачала головой. — Ладно. Давай по порядку. Что ты знаешь об этой рыжей?

Рейна пожала плечами.

— Почти ничего. Лириана. Имя красивое, как и она сама. Явно из знати — платье шёлковое, украшения дорогие. И руна у неё светится ярко, как солнце. Не как у Дамиана — его тусклая, будто выжженная.

Серафина нахмурилась. Её пальцы забарабанили по столу — привычка, которая появлялась, когда она думала о чём-то сложном.

— Выжженная, говоришь? Тусклая? Это интересно.

— Что именно?

— Истинные пары обычно получают руны одновременно и одинаковой яркости. Если у одного метка горит ярко, а у другого — тускло, это может означать одно из двух. Либо связь неполная — например, один из пары сопротивляется. Либо... — Серафина запнулась.

— Либо?

— Либо магия искусственная. — Серафина понизила голос, хотя вокруг никого не было. — Я слышала о чёрных ритуалах, которые могут подделать истинность. Это запрещено, разумеется, наказуемо смертью. Но такие вещи случаются. Если у ведьмы достаточно сил и если заказчик достаточно отчаян.

Рейна смотрела на подругу, и внутри неё впервые за три дня шевельнулось что-то, похожее на интерес.

— Ты думаешь, эта Лириана могла подделать руну?

— Я не думаю. Я предполагаю. Но чтобы проверить, нужно провести обряд диагностики. А это требует доступа к магии обоих — и её, и Дамиана. И времени. И ведьмы, которая согласится рискнуть головой. — Серафина вздохнула. — Пока у нас ничего этого нет.

— А если она настоящая? Если это не подделка, а истинная судьба?

Серафина посмотрела ей прямо в глаза.

— Тогда, Рейна, тебе придётся принять это. И уйти. С высоко поднятой головой. И начать новую жизнь. Без него. Потому что магия не терпит споров. И закон на её стороне.

— Я знаю, — тихо сказала Рейна. — Я уже приняла. Я подпишу любые бумаги. Я уйду. Я не буду драться за мужчину, которого хочет другая.

— Даже если он хочет тебя?

— Его хотение ничего не значит перед истинностью. Ты сама сказала: магия не терпит споров.

Серафина надолго замолчала. Монахини зажгли фонари вдоль стен — мягкий оранжевый свет смешался с серебряным сиянием лунного камня. Стало похоже на сон.

— Знаешь, — наконец произнесла Сефи, — я занимаюсь целительством пятнадцать лет. Я видела всякое: проклятия, порчи, привороты, даже одержимость. И я заметила одну закономерность. Чем ярче и громче что-то выглядит — тем чаще это оказывается фальшивкой. Настоящая магия тихая. Она не кричит о себе. Она не светится, как новогодняя ёлка. Она просто... есть.

— Ты хочешь сказать, что руна Лирианы слишком яркая, чтобы быть настоящей?

— Я хочу сказать, — Серафина сделала ещё глоток, — что не стоит хоронить себя раньше времени. Поедем со мной во дворец. Встретимся с королём. Посмотрим, что он скажет. А там... возможно, найдётся способ всё проверить.

Рейна покачала головой.

— Нет. Я поеду одна. Ты не должна ввязываться в это. У тебя репутация, карьера, пациенты.

— Репутация? — Серафина хмыкнула. — Дорогая, моя репутация состоит из сплетен о том, что я сплю с призраками и лечу чуму, целую больных. Я — чокнутая целительница, которая живёт в башне с тремя кошками и коллекцией заспиртованных глаз. Поверь, ввязаться в твою драму — это даже повысит мой рейтинг среди знати. Они обожают скандалы.

Рейна почти улыбнулась. Почти.

— Ты невозможна.

— Спасибо, я знаю. — Серафина встала, отряхнула платье. — Я сниму комнату в деревне рядом. Если захочешь поговорить — пошли монахиню. Если нет — я пойму. Но на суде я буду с тобой. Даже если придётся ворваться силой.

— Ты не сможешь. Суд закрытый.

— Для меня нет закрытых дверей, — Серафина подмигнула. — Я целительница королевского дома. У меня пропуск везде. Даже в твою душу.

Она наклонилась, поцеловала Рейну в лоб — сухими, тёплыми губами — и выпрямилась.

— Отдыхай. Ешь. Пей. Не смей умирать, пока я не разрешила.

И ушла — так же бесшумно, как и появилась. Только запах лаванды и корицы остался в вечернем воздухе.

Рейна осталась одна.

Она смотрела на чашу, где догорал пепел письма. Потом перевела взгляд на дуб, на фонари, на звёзды, которые уже высыпали на небо — крупные, холодные, равнодушные.

«Серафина думает, что магия поддельная, — подумала она. — А если нет? Если Дамиан действительно нашел свою истинную? Если я должна отпустить его по закону, по совести, по магии?»

«Но тогда почему он умоляет меня остаться? Почему он пришёл к воротам храма? Почему его руна тусклая, а её —

яркая? Почему она так легко и быстро оказалась в его постели?»

«Слишком много вопросов. Слишком мало ответов».

Она вздохнула, поднялась, пошла в свою келью.

Перед сном она зажгла свечу — единственную, которую ей выдали монахини — и долго смотрела на пламя. Оно танцевало, отбрасывая тени на стены, и в этих тенях ей мерещились крылья, рыжие волосы, светящиеся руны.

Она задула свечу.

И снова не заплакала.

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новинку литмоба “Измена по-драконьи” от Наталисс - “Отвергнутая жена. Ошибка драконьего масштаба”

Он отверг меня, унизил, лишил будущего! Но я не сломаюсь, а заставлю его почувствовать хотя бы каплю той боли, что испытала сама.

https://litnet.com/shrt/ek_K

Глава 1.4

Последнюю ночь перед отъездом во дворец Рейна провела не в келье, а в главном зале храма.

Она пришла туда, когда все монахини уже спали. Тихо, неслышно — в одних чулках, босиком. Белые каменные плиты холодили ступни, но она не обращала внимания.

Лунный свет проникал через высокие окна-бойницы, заливая зал серебром. Чаша с водой мерцала, как жидкое стекло. Звёздная карта на потолке вращалась — медленно, торжественно, отсчитывая ночные часы.

Рейна подошла к чаше, встала на колени.

Она не верила в богов. Ни в Луну, ни в Солнце, ни в старых драконьих духов, которым поклонялись её предки. Но в эту ночь ей нужно было с кем-то поговорить, а людей рядом не было.

— Я не знаю, есть ли ты там, — тихо сказала она, обращаясь к пустоте. — И есть ли тебе дело до меня. Но если есть — скажи, что мне делать. Бороться? Или сдаться?

Пустота молчала.

— Я люблю его, — продолжала Рейна. — Глупо, да? После того, что он сделал. После того, что я видела. Я должна ненавидеть его. Должна желать ему смерти. Но я хочу только одного: чтобы он проснулся завтра и сказал мне, что всё это был сон. Что нет никакой истинной. Что он мой. Только мой.

Её голос дрогнул. Впервые за четыре дня.

— Но это не сон. Это явь. И завтра король скажет мне: «Ты свободна, леди Рейна. Ступай. Твоё место занято». И я уйду. А он останется с ней. И они будут жить долго и счастливо, потому что так велит магия. А я буду смотреть на это со стороны. И делать вид, что мне всё равно.

Она замолчала.

В тишине храма что-то шевельнулось. Возможно, сквозняк. Возможно, крыса. Возможно, сама богиня Луна, которой вдруг вздумалось ответить.

Но Рейна ничего не услышала. Только собственное сердце, которое билось ровно и холодно, как метроном.

Она поднялась с колен, повернулась к выходу.

И тут заметила.

На краю чаши, там, где вода соприкасалась с камнем, лежал маленький предмет. Серебряный, размером с монету, с выгравированной луной в фазе полнолуния.

Рейна подняла его. Амулет — лёгкий, тёплый, словно его только что держали в руках.

Рядом, на камне, кто-то выцарапал две буквы: «С.Ф.».

Серафина.

«Она была здесь, — поняла Рейна. — Пока я спала. Или делала вид, что сплю. Она оставила мне это».

Рейна сжала амулет в кулаке. Серебро нагрелось от её ладони.

— Спасибо, — прошептала она, хотя Серафина не могла

её слышать.

И вышла из храма.

Наутро прибыла королевская карета.

Чёрная, с золотыми гербами, запряжённая четвёркой белых лошадей с развевающимися гривами. Кучер — в ливрее, с плетью, украшенной драгоценными камнями. Два сопровождающих — королевские гвардейцы в сияющих доспехах, с длинными копьями и непроницаемыми лицами.

Вся эта помпезность была рассчитана на то, чтобы запугать. Или, по крайней мере, впечатлить. Рейна не впечатлилась. Она видела и не такое за годы службы королю.

Она вышла из храма в том же плаще, в котором пришла. Грязном, дорожном, с пятнами пыли и, возможно, крови — не её, чужой, давней. Сапоги она начистить не успела, да и не хотела. Меч — на поясе. Волосы — в небрежном хвосте. Никаких украшений, кроме амулета Серафины, спрятанного под рубашкой.

Гвардейцы переглянулись. Они явно ожидали увидеть рыдающую аристократку в траурном платье, а не суровую воительницу с таким лицом, будто она идёт не на развод, а на казнь — и казнить будут не её.

— Леди Рейна? — спросил старший гвардеец, хотя прекрасно знал, кто она.

— Она самая, — ответила Рейна. — Едем.

Она забралась в карету, не дожидаясь, пока ей откроют дверцу. Уселась на жёсткое бархатное сиденье, сложила руки на коленях. За окном медленно поплыл храм — его белые стены, серебряные купола, старый дуб.

«Прощай, убежище, — подумала она. — Ты дало мне тишину. Теперь дай мне сил».

Карета тронулась.

Дорога до дворца занимала полдня. Рейна провела их в полудрёме, уставившись в одну точку на обивке. Мысли не шли — они застряли где-то между прошлым и будущим, образуя вязкую трясину. Она не пыталась выбраться. Она просто ждала.

В какой-то момент карета остановилась. Рейна выглянула в окно — они проезжали через деревню, ту самую, где Серафина сняла комнату. И у окна одного из домов она увидела подругу — та махала ей рукой, держа в другой большой букет полевых цветов.

Рейна не помахала в ответ. Но уголок её губ чуть дрогнул. Это была не улыбка. Но близко к ней.

Карета покатила дальше.

Впереди, на горизонте, уже виднелись шпили Королевского Дворца — золотые, сверкающие на утреннем солнце, похожие на копья, направленные в небо.

Там её ждал Дамиан. Ждала Лириана. Ждал король с его законом, который был старше любой любви.

И Рейна решила: что бы ни случилось, она не сломается.

Она — дочь своего клана. Воин. Женщина, которая пережила потерю ребёнка, предательство мужа, крушение всех надежд.

Она переживёт и это.

А потом начнёт новую жизнь.

Без него.

Без них.

Без магии, которая решила за неё, что она недостаточно хороша.

«Ты сильная, — сказала она себе. — Ты справишься».

И почти поверила.

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новинку лит-моба “Измена по-драконьи” от Любава Ливада - “Непокорная истинная для короля дракона”

Муж променял меня на истинную, общество отвернулось против меня. Единственный шанс все исправить - влюбить в себя заморского короля-дракона.

<https://litnet.com/shrt/FH4e>

Глава 2.1

Королевский дворец встречал Рейну запахами.

Сначала — запах цветущих роз, которыми были усыпаны парадные клумбы вдоль подъездной аллеи. Тысячи кустов, розовых, белых, алых, источали приторное благоухание, которое смешивалось с ароматом нагретого за день камня и свежескошенной травы. Потом — запах воска и полированного дерева, когда карета въехала в крытую галерею, где эхо шагов гвардейцев отражалось от мраморных стен. Потом — запах духов знати, собравшейся в приёмном зале: амброзия, мускус, сандал, лаванда — десятки ароматов, перебивающих друг друга, создающих какофонию, от которой у Рейны заломило в висках.

Она не любила дворец. Никогда не любила. Здесь всё было ненастоящим: улыбки, поклоны, шёпот за спиной, комплименты, которые через минуту превращались в сплетни. Здесь слова имели вес только до тех пор, пока говоривший смотрел в глаза. Стоило отвернуться — и смысл испарялся, оставалась только пустая скорлупа интриги.

Но сегодня она была здесь не для того, чтобы наслаждаться или страдать от придворных игр. Сегодня здесь решалась её судьба.

Гвардейцы проводили её через анфиладу залов. Каждый следующий был роскошнее предыдущего: скромный мрамор

сменялся позолоченными колоннами, те — гобеленами с охотничьими сценами, те — хрустальными люстрами, а под конец — тронным залом, где высокий потолок терялся в полумраке, а стены были завешаны портретами королей прошлых эпох. С портретов смотрели суровые лица, обрамлённые париками, коронами, драконьими амулетами. Казалось, они наблюдали за Рейной, оценивали, осуждали.

«И вы туда же», — мысленно сказала она самому мрачному из портретов, изображавшему короля-чародея, который, по легендам, и ввёл закон об истинных парах.

Тронный зал был почти пуст. Только несколько придворных, самые приближённые, те, без которых не обходилось ни одно важное событие: канцлер с пергаменами, генерал-инспектор королевской гвардии, верховная жрица Храма Истинности, два писца с перьями наперевес и, конечно, сам король.

Король Фредерик III, тридцати восьми лет от роду, сидел на троне — массивном, кованом из чёрного металла и украшенном драконьими черепами. На нём был парадный мундир тёмно-синего цвета с золотыми эполетами, поверх которого накинута мантия из горностая. Корона — простая, без излишеств — сидела на его русых волосах, тронутых ранней сединой.

Он был красивым мужчиной — правильные черты лица, волевой подбородок, цепкие серые глаза, которые умели быть и ласковыми, и стальными. Рейна знала его с детства:

они вместе росли, вместе учились фехтованию, он был её дальним кузеном. Но сейчас он был не родственником, не другом — он был королём, и его решение станет приговором.

— Леди Рейна, — голос короля разнёсся по залу, усиленный акустикой. — Подойдите.

Рейна сделала несколько шагов вперёд. Замерла на расстоянии трёх метров от трона — ровно там, где заканчивалась красная ковровая дорожка. Поклонилась — не низко, как просили, но и не высокомерно. Достоинно.

— Ваше Величество.

Король кивнул, затем перевёл взгляд на другую часть зала.

— Подойдите и вы, генерал.

И тогда Рейна его увидела.

Дамиан стоял в тени колонны, почти сливаясь с серым мрамором. Он был в парадной форме — чёрный мундир с серебряными галунами, высокие сапоги, белые перчатки. На боку — церемониальный меч, который он носил только на официальных мероприятиях. Выглядел он... плохо. Очень плохо. Лицо было бледным, под глазами залегли тёмные круги, скулы выступали резче обычного. Он явно не спал несколько ночей. Волосы, обычно уложенные, сейчас торчали в разные стороны — словно он причёсывался наспех, в темноте.

Но хуже всего были глаза. Они смотрели на Рейну с такой мольбой, с такой болью, что у неё внутри что-то оборвалось.

Она отвела взгляд.

Дамиан вышел из тени, подошёл к королю — и, к удивлению всех присутствующих, опустился на колени.

Не просто поклонился. Опустился на оба колена, как простолудин перед владыкой. Это было неслыханно для генерала, для главы одного из сильнейших кланов. Шёпот пробежал по рядам придворных. Канцлер поднял бровь. Верховная жрица перекрестилась.

— Ваше Величество, — голос Дамиана был хриплым, срывающимся. — Я пришёл просить вас о милости.

Король Фредерик склонил голову набок, разглядывая коленопреклонённого генерала.

— О какой милости, Дамиан? Говори.

— Я прошу вас не расторгать мой брак с леди Рейной.

В зале стало тихо. Настолько тихо, что Рейна слышала, как где-то далеко, в соседнем крыле, пробили часы.

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новинку литмоба “Измена по-драконьи” от Таня Драго - “Продана после измены”
<https://litnet.com/shrt/yVer>

Глава 2.2

Король молчал несколько секунд. Потом медленно поднялся с трона, спустился по ступеням, подошёл к Дамиану. Остановился в метре от него, скрестил руки на груди.

— Ты понимаешь, что просишь, Дамиан? — спросил король. В его голосе не было злости. Скорее — усталое удивление. — Ты просишь меня пойти против закона, который существует триста лет. Против магии, которая священна. Против самой природы драконьего рода.

— Я понимаю, — Дамиан поднял голову. В его глазах блеснули слёзы. — Но я не могу принять эту связь. Я не хочу её. Я не выбирал её. Я выбрал Рейну. Пять лет назад я выбрал её — не магией, а сердцем. И я не отступлюсь от этого выбора, даже если магия говорит, что я должен.

Король вздохнул.

— Встань, Дамиан. Не позорься.

— Я не встану, пока вы не дадите слово, что рассмотрите возможность сохранить брак.

— Встань, я сказал. — Голос короля стал твёрже.

Дамиан поднялся — медленно, не разгибая спины, как старик. Он посмотрел на Рейну. Она не ответила на взгляд. Она смотрела прямо перед собой, на королевскую мантию, лежащую на ступенях трона.

— Леди Рейна, — обратился к ней король. — Что вы ска-

жете?

Рейна перевела взгляд на монарха.

— Я скажу, Ваше Величество, что я не намерена удерживать мужчину, который принадлежит другой. Я пришла просить развода.

Слова упали в тишину, как камни в воду. Придворные зашевелились. Верховная жрица одобрительно кивнула. Писец заскрипел пером.

— Нет! — крик Дамиана разнёсся по залу. — Рейна, нет! Не делай этого!

Он сделал шаг к ней, но Рейна отступила на шаг назад — такой же точно, синхронный, как в танце.

— Не приближайся ко мне, генерал, — сказала она ледяным тоном. — Я не твоя жена с этого момента. И ты не имеешь права ко мне прикасаться.

Дамиан замер. Его руки дрожали. Губы шевелились, но звука не было.

Король поднял руку, призывая к тишине.

— Я должен заслушать все стороны, прежде чем принять решение. Леди Лириана, прошу вас.

Из-за колонны, скрытая до этого от глаз, вышла женщина.

Лириана выглядела так, словно сошла с полотна великого художника.

На ней было платье цвета слоновой кости, расшитое золотыми нитями и жемчугом. Декольте глубокое, открывающее плечи и ключицы — и, конечно, ту самую руну. Рыжие волосы были уложены в сложную причёску с локонами, спадающими на спину. Лицо — безупречный макияж: алые губы, подведённые глаза, румянец на скулах. Она несла себя так, будто уже была королевой.

Рейна посмотрела на неё и почувствовала тошноту.

Не от зависти — отвращение. Эта женщина была настолько фальшивой, настолько театральной, что даже её красота казалась ненастоящей. Слишком правильные черты, слишком яркий румянец, слишком сладкая улыбка. Кукла. Красивая, дорогая, бездушная кукла.

— Ваше Величество, — Лириана присела в изящном реверансе, который занял бы первое место на любом придворном балу. — Благодарю, что приняли меня в этот трудный час. Я знаю, как непросто вам принимать решения, затрагивающие чужие судьбы. Но я верю в вашу мудрость.

Она умела говорить. Голос лился, как мёд, обволакивал, усыплял. Король, казалось, был под впечатлением — он чуть прищурился, разглядывая её.

— Леди Лириана, — сказал он. — Вы утверждаете, что являетесь истинной парой генерала Дамиана. У вас есть доказательства?

— Разумеется, Ваше Величество. — Она подошла ближе к трону, остановилась рядом с Дамианом, который тут же от-

шатнулся от неё, словно от огня. Лириана сделала вид, что не заметила, и протянула королю левую руку. — Вот моя руна.

На её запястье сияло золото.

Не просто сияло — горело. Яркое, ослепительно, почти больно для глаз. Руна была сложной, искусной — переплетение драконьих крыльев, языков пламени и древних рун, которые Рейна не могла разобрать. Казалось, внутри метки пульсировала живая магия, послушная и гордая.

Король склонился, разглядывая руну. Верховная жрица подошла ближе, провела над ней рукой — и отшатнулась, потрясённая.

— Истинная руна, — прошептала жрица. — Несомненная. Я чувствую магию. Она чиста.

«Чиста», — мысленно повторила Рейна. — «Если бы ты знала, как ты ошибаешься».

— А теперь, — Лириана повернулась к Дамиану. — Покажи свою руну, дорогой.

Дамиан сжал зубы. Он не двигался. Не протягивал руку.

— Дамиан, — голос короля стал жёстче. — Покажите ру-ну.

Дамиан медленно, словно его вели на плаху, поднял левый рукав мундира.

Его руна была тусклой.

Там, где у Лирианы горел ослепительный огонь, у него тлел едва заметный уголь. Метка была та же — драконьи крылья и пламя, — но словно кто-то нарисовал её разбав-

ленными чернилами, а затем попытался стереть. Она не светилась — она мерцала, неохотно, через силу.

— Странно, — заметил король. — Почему руна генерала такая бледная?

Лириана ответила мгновенно, словно ждала этого вопроса:

— Истинная связь только устанавливается, Ваше Величество. Дамиан сопротивляется магии — он не принимает свою судьбу, поэтому его руна слабее. Но со временем, когда он смирится, она засияет в полную силу. Так бывает, когда истинная пара встречается, но один из них уже состоит в браке. Магии нужно время, чтобы преодолеть барьеры.

Верховная жрица кивнула.

— Это правда. Я встречала такие случаи. Если супруг сопротивляется, руна может быть тусклой несколько недель, а то и месяцев.

Король задумался. Потом повернулся к Рейне.

— Леди Рейна, вы тоже можете показать свою руну? Ту, что символизирует ваш брак?

Рейна молча расстегнула ворот плаща, спустила ткань с левого плеча. Там, на бледной коже, чернела татуировка — дракон и волчица, сплетённые в вечном танце. Она никогда не светилась. Она была просто рисунком, красивым, но мёртвым.

— Никакой магии, — констатировала жрица. — Обычный брачный контракт. Без истинности.

— Мы и не заключали брак по истинности, — сказала Рейна. — Это был политический союз. Но он был честным. До недавнего времени.

Она посмотрела на Дамиана. Он стоял, опустив голову, сжав кулаки так, что побелели костяшки.

— Ваше Величество, — произнёс король Фредерик, возвращаясь на трон. — Закон истинности гласит, и я цитирую: «Ни один дракон не может отвергнуть истинную пару под страхом потери магии и изгнания из земель драконьего рода. Тот, кто отказывается от своей истинной, лишается права на превращение, силы огненного дыхания и навсегда изгоняется в мир людей, где и должен доживать свой век как смертный». Это понятно, Дамиан?

Дамиан поднял голову.

— Понятно, Ваше Величество.

— И ты всё равно отказываешься признать леди Лириану?

— Да.

В зале стало тихо. Даже скрип пера писца затих.

— Ты готов потерять магию? — спросил король. — Стать смертным? Состариться за несколько десятилетий и умереть, как простой человек?

— Готов.

— Ты готов навсегда покинуть Драконьи Земли? Оставить армию, клан, честь предков?

— Готов.

Король покачал головой.

— Ты глупец, Дамиан. Но твоя глупость меня восхищает. Однако закон есть закон. Я не могу его изменить по своему желанию, даже если бы хотел.

Рейна слушала этот разговор, и внутри неё боролись два чувства: гнев и... жалость. Гнев на Дамиана за то, что он поставил её в такое положение. Жалость — потому что он был готов пожертвовать всем. Не ради неё. Ради их любви, которая, как выяснилось, не имела значения перед магией.

«Если бы он мог, — подумала она. — Если бы он мог отказаться от руны, он бы сделал это. Но закон сильнее. И магия сильнее. И я сильнее? Я должна быть сильнее».

Она шагнула вперёд.

— Ваше Величество, я прошу официального развода. Без раздела имущества. Без алиментов. Без претензий. Я ухожу с тем, что пришла: с мечом и честью.

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новинку лит-моба “Измена по-драконьи” от Леона Эльсворд - “Развод с драконом. Истинная моего мужа”

<https://litnet.com/shrt/B7te>

Глава 2.3

Канцлер подал королю пергамент — тот самый, с прошением о разводе, который Рейна отправила из храма. Король пробежал его глазами, кивнул, передал писцу.

— Документ в порядке. Осталось только подпись генерала, как главы семьи, и моя подпись. После этого брак будет считаться расторгнутым.

Он протянул пергамент Дамиану.

— Подписывай.

Дамиан взял пергамент. Посмотрел на него. Потом — на Рейну.

— Нет.

И разорвал лист пополам.

Медленно, аккуратно, с хрустом, который показался оглушительным в тишине зала. Ключки бумаги упали на мраморный пол.

— Дамиан! — рявкнул король.

— Я сказал нет. — Голос Дамиана был твёрдым, почти спокойным. Только жилка, бьющаяся на виске, выдавала напряжение. — Я не подпишу развод. Я не позволю ей уйти. Она моя жена. И останется моей женой, даже если весь мир скажет обратное.

— Ты не имеешь права, — холодно сказала Рейна. — Закон на моей стороне.

— Закон говорит, что я не могу отвергнуть истинную пару. Он ничего не говорит о том, что я должен разводиться с тобой. Я могу оставаться в браке с тобой и одновременно быть связанным с Лирианой.

Король нахмурился.

— Это... юридически сомнительно. Двоежёнство запрещено.

— Но и не урегулировано, — возразил Дамиан. — В законе нет статьи о том, что делать, если истинная пара появляется после заключения брака. Есть только общее правило: истинную нельзя отвергнуть. Но его можно трактовать так, что я не обязан разводиться. Я просто... не отвергаю Лириану. Я признаю её. Но и брак сохраняю.

Лириана, до этого молчавшая с блаженной улыбкой, вдруг напряглась.

— Это абсурд, — сказала она, и в её голосе впервые проскользнули стальные нотки. — Ты не можешь быть с двумя женщинами одновременно. Истинная пара должна быть единственной.

— А кто это сказал? — Дамиан повернулся к ней. В его взгляде была ненависть. Открытая, неприкрытая ненависть. — Кто написал этот закон? Драконы, которые жили триста лет назад. Они и представить не могли, что кто-то захочет остаться с женой, а не с истинной.

— Дамиан, — король поднялся с трона. — Ты на грани.

— Я на грани с того момента, как проснулся рядом с этой

женщиной, — он кивнул в сторону Лирианы. — Я уже за гранью. Я потерял сон, покой, уважение солдат. Я потерял жену, которая была для меня всем. И теперь вы хотите, чтобы я потерял ещё и право бороться? Нет. Не дождётесь.

Он посмотрел на Рейну. Её лицо было непроницаемым, как каменная маска.

— Рейна, — сказал он тише, почти шёпотом, но в тишине зала его слова были слышны всем. — Я знаю, что ты ненавидишь меня. Я знаю, что ты хочешь уйти. Но я прошу тебя — дай мне время. Дай мне возможность найти способ разорвать эту связь. Я не могу отпустить тебя. Не сейчас. Не навсегда.

Рейна молчала несколько секунд. Потом ответила — громко, чётко, без эмоций:

— Ты уже отпустил меня, когда лёг с ней. Всё остальное — просто бумага.

Она повернулась к королю.

— Ваше Величество, я настаиваю на разводе. И если генерал отказывается подписывать документы, я готова обратиться к верховному суду. Брак был заключён по договору, и в договоре есть пункт о разводе в случае измены.

— Измена с истинной парой не считается изменой, — встряла верховная жрица. — По магическому праву, истинная связь выше супружеской верности.

— Я не подчиняюсь магическому праву, — отрезала Рейна. — Я подчиняюсь гражданскому. И в нём чётко сказано: супружеская измена — основание для развода.

Король потёр переносицу — жест усталости.

— У нас конфликт юрисдикций. Магическое право и гражданское. Это не решалось ни разу за последние сто лет.

— Значит, будет первый раз, — сказала Рейна.

Придворные зашумели. Писец записывал что-то с бешеной скоростью. Канцлер разводил руками. Верховная жрица шепталась с королём.

Лириана воспользовалась моментом. Она подошла к Дамиану, положила руку ему на плечо — он отшатнулся, но магия руны, казалось, заставила его замереть на долю секунды.

— Дорогой, — сладко сказала она. — Не мучай себя. И не мучай её. Отпусти. Это будет лучше для всех.

— Убери руку, — прошипел Дамиан.

— Не могу. Руна не позволяет. Мы же истинные. Мы должны быть рядом.

Рейна смотрела на эту сцену с ледяной брезгливостью. Она видела, как Дамиан пытается отстраниться, как его тело не слушается — магия притягивала его к Лириане, как магнитом. Она видела, как он борется, как его лицо искажается от отвращения. И впервые за всё это время она подумала: «А что, если он прав? Что, если он действительно не хотел? Что, если магия сильнее его воли?»

Но тут же отбросила эту мысль.

«Не важно, хотел он или нет. Результат один. Он изменил. И я не могу это простить. Даже если магия его заставила».

— Ваше Величество, — сказала она, повышая голос. —

Я прошу перенести слушание на неделю, чтобы собрать дополнительные доказательства. Я нанимаю адвоката.

Король удивлённо поднял бровь.

— Адвоката? Леди Рейна, вы имеете право. Но имейте в виду: закон истинности на стороне леди Лирианы.

— Закон может быть на стороне кого угодно. Правда — на моей.

Лириана усмехнулась.

— Какая правда, леди Рейна? Правда в том, что вы — третья лишняя. Правда в том, что магия выбрала меня. Правда в том, что вы никогда не были его истинной и никогда не будете. Вы просто временное утешение. А я — его судьба.

Рейна медленно повернулась к сопернице. Их взгляды встретились — зелёные глаза Лирианы, сверкающие торжеством, и серые глаза Рейны, холодные как лёд.

— Посмотрим, — тихо сказала Рейна. — Чья судьба переживёт этот суд.

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новинку литмоба “Измена по-драконьи” от Элизы Маар - “Скандалная свадьба”

Он сломал меня, и чтобы отомстить, я вышла замуж за его старшего брата.

 <https://litnet.com/shrt/fM1A>

Глава 2.4

Слушание было отложено на семь дней.

Король подписал указ о переносе, придворные разошлись, обсуждая произошедшее — Рейна слышала обрывки фраз: «безумная», «бедный Дамиан», «эта рыжая такая красивая, немудрено, что не устоял». Она не оборачивалась.

В коридоре, ведущем к выходу, её нагнал Дамиан.

Он взял её за локоть — осторожно, почти умоляюще.

— Рейна, подожди.

Она остановилась, но не повернулась.

— Что тебе нужно, Дамиан?

— Поговорить. Без свидетелей. Без короля. Без неё.

— Нам не о чем говорить.

— Есть о чем. Например, о том, что я не сдамся. Я не подпишу развод. Я буду бороться за тебя, даже если ты этого не хочешь.

Она резко повернулась к нему. В её глазах горел огонь, которого он не видел много лет — огонь ярости, боли, унижения.

— Ты не имеешь права бороться за меня! Ты потерял это право, когда вошёл в неё!

Дамиан побледнел ещё сильнее.

— Рейна, я не помню этой ночи. Я не помню, как это случилось. Одно мгновение — она сидела напротив меня, рас-

сказывала о каком-то поручении короля. Следующее — я проснулся от того, что ты стоишь в дверях. Всё, что между — провал. Пустота.

— Удобно, — усмехнулась Рейна. — Не помню — значит, не виноват.

— Я не говорю, что не виноват. Я говорю, что это была не моя воля. Это была магия.

— Магия не снимает ответственности. Ты — дракон. Ты должен уметь сопротивляться магии. Должен был натренировать разум, защиту, всё, чему вас учат в академии.

— Ты не понимаешь, — его голос сорвался. — Истинная связь — это не обычное колдовство. Это древнейшая магия, сильнее любой защиты. Ей невозможно сопротивляться. Это как пытаться остановить дыхание. Ты можешь задержать его на минуту, на две, но потом лёгкие всё равно схватятся за воздух.

Рейна смотрела на него. Он говорил искренне — она знала его достаточно хорошо, чтобы отличить правду от лжи. Но искренность не лечила раны.

— Даже если так, — сказала она. — Ты всё равно мне не нужен. Ты опасен. Рядом с тобой — всегда будет она. Магия будет тянуть тебя к ней. Я не хочу быть той, кто стоит между мужчиной и его судьбой.

— Ты — моя судьба! — почти крикнул Дамиан. — Не магия! Не какая-то рыжая! Ты!

— Тише, — Рейна оглянулась. В коридоре могли быть

уши. — Не позорь нас обоих.

Дамиан сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

— Хорошо. Тихо. Но послушай меня. Я нашёл кое-кого. Ведьму. Она живёт в чащобе, её зовут Морвен. Говорят, она разбирается в чёрной магии лучше всех в королевстве. Я собираюсь к ней.

Рейна нахмурилась.

— Зачем?

— Чтобы проверить, настоящая ли эта связь. Чтобы найти способ разорвать её, если она поддельная. Или чтобы... — он запнулся, — чтобы научиться жить с ней, если она настоящая. Но не теряя тебя.

— Ты не можешь жить с двумя женщинами, Дамиан. Это нечестно по отношению ко всем.

— А что честно? Расторгнуть брак, который я считаю своим главным достижением? Отпустить тебя, чтобы ты пропала где-то в мире, одна, без защиты, без дома? Это честно?

Рейна молчала.

— Я люблю тебя, — сказал он тихо. — Я любил тебя до того, как появилась эта руна. И буду любить после того, как она исчезнет. Если она исчезнет. А если нет... то я научусь ненавидеть её. Научусь игнорировать. Стану первым драконом, который победил свою истинную пару силой воли.

— Это невозможно, — прошептала Рейна.

— Всё возможно, когда есть ради чего жить.

Он шагнул к ней, но она отступила. В её глазах промельк-

нуло что-то — не прощение, но намёк на то, что прощение могло бы быть, если бы обстоятельства сложились иначе.

— Иди к своей ведьме, Дамиан. Иди. А я пойду к своему адвокату. Посмотрим, кто быстрее.

Она развернулась и пошла прочь, оставляя его одного в длинной галерее, где эхо её шагов звучало, как похоронный марш.

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новинку лит-моба “Измена по-драконьи” от Колин Ви - “Притворись моим драконом”

<https://litnet.com/shrt/BOfz>

Глава 2.5

Вернувшись во временные покои, которые король выделил ей до окончания слушания, Рейна рухнула в кресло и закрыла глаза.

Её трясло.

Не от страха — от напряжения. Последние несколько часов она держала себя в руках с такой силой, что сейчас мышцы отказывались расслабляться. Плечи затекли, шея болела, голова гудела.

Она услышала тихий стук в дверь.

— Открыто.

Вошла Серафина. С огромным подносом, уставленным едой: суп, хлеб, сыр, фрукты, кувшин с вином.

— Ты не ела с утра, — сказала целительница, ставя поднос на стол. — И вообще, судя по цвету лица, не ела дня три. Ешь. Я не уйду, пока не увижу, как ты жуёшь.

— Сефи, я не голодна.

— Это не важно. Ешь.

Рейна вздохнула, взяла ложку и сделала глоток супа. Он был тёплым, наваристым, вкусным — кухня дворца умела готовить. Но для неё он был как бумага на вкус.

— Я слышала всё, — сказала Серафина, усаживаясь напротив. — У меня везде уши.

— Знаю.

— Этот Дамиан... он действительно намерен бороться.

— Похоже на то.

— А ты?

— А что я? Я хочу развода. И точка.

Серафина посмотрела на неё долгим, внимательным взглядом.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— Тогда почему ты так долго смотрела на него, когда он говорил про ведьму?

Рейна отложила ложку.

— Потому что я не каменная. Потому что он всё ещё мой муж, пусть и бывший. Потому что внутри меня всё ещё живёт та девушка, которая выходила за него замуж пять лет назад, и ей больно. Но это не значит, что я должна передумать.

— Никто не просит тебя передумывать, — мягко сказала Серафина. — Но я хочу, чтобы ты знала: если окажется, что руна поддельная... если Лириана его обманула... ты простишь его тогда?

Рейна молчала долго. В комнате горела только одна свеча, и её пламя танцевало, отбрасывая тени на стены.

— Не знаю, — наконец призналась она. — Простить — значит забыть. А я не могу забыть то, что видела. Её волосы на моей подушке. Его руки на её теле. Их запах, смешавшийся в один — отвратительный, липкий, чужой. Этот образ въелся в меня. Он будет со мной всегда.

— Тогда, возможно, тебе действительно стоит развестись. Для твоего же спокойствия.

— Да. Возможно.

Она снова взяла ложку и заставила себя есть. Суп постепенно успокаивал желудок, тепло разливалось по телу. Серафина молча наливала вино.

— Сефи, — сказала Рейна после паузы. — Что ты думаешь об этой Лириане?

— Я думаю, что она слишком идеальна, чтобы быть настоящей. Слишком красива. Слишком правильно говорит. Слишком вовремя появилась. И руна у неё слишком яркая — я никогда не видела таких ярких рун у истинных пар. Обычно они мягче, теплее. А эта... эта кричит. Это подозрительно.

— Дамиан пошёл к ведьме. Хочет проверить.

— Умный шаг. Но опасный. Если ведьма окажется на стороне Лирианы — или просто испугается — она может навредить.

— Дамиан умеет выбирать людей. Он не дурак.

— Нет. Не дурак. — Серафина сделала глоток вина. — Влюблённый дурак — это другое.

Они сидели в тишине, пока свеча не догорела до половины. Рейна доела суп, отломил кусок хлеба, съела яблоко. Еда возвращала силы — медленно, но верно.

— Завтра я начну искать адвоката, — сказала она. — Ты кого-нибудь знаешь?

— Есть один. Старый, опытный, циничный. Специализируется на бракоразводных процессах среди знати. Берёт дорого, но результат гарантирует. Адвокат Торнтон.

— Торнтон? Тот самый, который вёл дело графини Вэллс против её мужа-изменника?

— Он самый. Графиня получила всё, включая его замок.

— Он мне подходит.

— Завтра я сведу вас, — пообещала Серафина. — А сейчас — спи. Завтра будет трудный день.

Рейна кивнула. Серафина поднялась, поцеловала её в лоб и вышла, погасив свечу.

В темноте, оставшись одна, Рейна наконец позволила себе уронить голову на подушку. И снова не заплакала.

Она просто лежала и смотрела в потолок, который терялся в чёрной пустоте, и думала о том, как же, чёрт возьми, она оказалась здесь. В этой комнате. В этом дворце. В этой жизни, где её муж принадлежит другой, а она вынуждена бороться за право быть никем.

«Завтра, — сказала она себе. — Завтра я начну новую битву. А сегодня я просто выживу».

И она выжила.

Как всегда.

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новинку лит-моба “Изнамена по-драконьи” от Марвин Лакруа - “Изнамена. Кондитерская бывшей жены лорда дракона”

Глава 3.1

Казармы Пограничной армии находились в восточном крыле крепости Драконьего Пика — той части, куда редко заглядывали женщины и никогда — придворные. Здесь пахло потом, кожей, оружейным маслом и мужской грубостью. Стены из грубого камня, полы из гранитных плит, на которых сотни сапог оставили неизгладимые следы. Коридоры узкие, комнаты спартанские, воздух тяжёлый — даже летом, когда открывали все окна, здесь висела атмосфера вечной боевой готовности.

Дамиан вырос в этих казармах. Он знал каждый уголок, каждую трещину в стене, каждую половицу, которая скрипит под тяжестью шагов. Он пришёл сюда мальчишкой — сыном генерала, которого все называли «маленький эр'Ашер», — и прошёл путь от новобранца до командующего. Он спал на этих нарах, дрался в этих коридорах, терял друзей в этих стенах, оплакивал их в этой тишине.

Казармы были его домом больше, чем родовой замок. Здесь его уважали, здесь его боялись, здесь его любили. Солдаты называли его «чёрный дракон» — за чёрный мундир, чёрные доспехи и чёрный, не знающий пощады гнев на поле боя.

Сегодня, когда он переступил порог главного входа, его встретила тишина.

Не та уважительная тишина, с которой встречают командира, когда он возвращается с войны. И не та насторожённая, когда чувствуют, что командир не в духе. А та — глубокая, неестественная, звенящая — какой бывает перед бунтом.

Дамиан замер на мгновение, прислушиваясь.

В коридоре, ведущем к общему залу, не было ни души. Никто не чистил оружие, не точил мечи, не переругивался из-за карт. Никто не пел солдатских песен, не смеялся, не ругался матом. Тишина была такой густой, что её можно было резать ножом.

«Что здесь произошло? — подумал Дамиан. — Выступили на учения? Нет, я бы знал. Я отменил все учения до конца недели».

Он пошёл по коридору, и его шаги гулко отдавались от каменных стен. Эхо возвращалось к нему многократно, словно за ним шла целая рота, хотя он был один.

Первый солдат, которого он встретил, стоял в нише у двери в оружейную. Молодой парень, веснушчатый, с жидкими рыжеватыми усами — новобранец, которого Дамиан помнил ещё по учебке. Солдат смотрел прямо перед собой, не мигая, и его глаза были пустыми, как у куклы.

— Рядовой Тернер, — окликнул его Дамиан.

Солдат не отреагировал.

— Рядовой Тернер! — повторил Дамиан громче.

Только тогда новобранец медленно повернул голову, посмотрел на командира — но взгляд оставался остекленев-

шим, неживым.

— Генерал, — произнёс он без всякого выражения. — Разрешите идти?

— Что с тобой? Ты заболел?

— Никак нет, генерал. Чувствую себя хорошо.

— Тогда почему ты не отдал честь? И почему смотришь сквозь меня?

Солдат молчал несколько секунд. Потом его рука сама собой поднялась к виску — чисто механически. Глаза по-прежнему ничего не выражали.

— Вольно, — сказал Дамиан. — Иди.

Солдат развернулся и ушёл — ровными, размеренными шагами, как заведённый механизм. В его походке не было ничего человеческого.

Дамиан проводил его взглядом, и внутри него поселилось холодное, липкое беспокойство.

Он ускорил шаг. Прошёл мимо учебного класса — там за столами сидели сержанты, все как один, склонившись над картами. Никто не поднял головы, когда он прошёл мимо двери. Никто не крикнул «Смирно!». Только один, самый старый, поднял мутные глаза — и снова уставился в карту.

Он прошёл мимо лазарета — дверь была открыта, внутри лежали несколько раненых, но лекарь отсутствовал. Странно: лекарь никогда не оставлял пациентов без присмотра.

Он прошёл мимо столовой — пусто. На длинных деревянных столах стояли нетронутые миски с кашей. Еда осты-

ла, покрылась плёнкой. Словно солдаты сели есть — и вдруг встали и ушли все одновременно.

И только когда он вошёл в главный зал собраний, он понял, где все.

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новинку лит-моба “Измена по-драконьи” от Элис Карма и Алисы Булановой - “Развод с драконом. Второй женой не буду!” <https://litnet.com/shrt/cls9>

Муж встретил свою истинную, и дал понять, что я не нужна. Так зачем он теперь пытается меня вернуть?

Глава 3.2

Главный зал собраний был рассчитан на триста человек. Сегодня в нём стояло тесно — яблоку негде упасть. Все офицеры, сержанты и даже рядовые, свободные от караула, собрались здесь. Они стояли рядами, плечом к плечу, молчаливые, неподвижные, как статуи.

В центре зала, на возвышении, где обычно выступал Дамиан, стоял полковник Рорик.

Рорик был его заместителем уже семь лет. Высокий, широкоплечий, с грубым лицом, изрезанным шрамами, и седыми висками — хотя ему едва перевалило за сорок. Он был из тех офицеров, которые не блистают умом, но обладают железной надёжностью. Дамиан доверял ему как себе. Рорик знал все секреты армии, все слабые места, все точки давления.

Сейчас Рорик стоял на возвышении, сложив руки на груди, и смотрел на входящего Дамиана с выражением, которого генерал никогда раньше не видел: смесь сожаления, страха и... презрения?

— Полковник, — Дамиан остановился перед возвышением. — Что здесь происходит? Почему не на постах? Почему не по казармам?

Рорик не торопился с ответом. Он медленно спустился по ступеням, подошёл к Дамиану вплотную, почти вплотную.

Их разделяло не больше полуметра.

— Генерал, — голос Рорика был ровным, без обычной грубоватой теплоты. — Мы ждали вас.

— Кто «мы»? И зачем?

Рорик обвёл рукой зал.

— Все, кто остался верен присяге. Все, кто помнит, что такое честь. Все, кто не хочет превратить Пограничную армию в посмешище.

Дамиан напрягся.

— Объяснитесь, полковник.

— Объясню. — Рорик отошёл на шаг, развернулся к солдатам, повысил голос так, чтобы слышали все: — Генерал Дамиан эр'Ашер, командующий Пограничной армией, обвиняется в нарушении древнего закона истинности. Он отказывается признать свою истинную пару — леди Лириану — и вместо этого цепляется за брак, заключённый по политическому договору.

В зале пронёсся шёпот. Неодобрительный шёпот. Дамиану показалось, что сотни глаз смотрят на него с осуждением.

— Я не отказываюсь, — сказал Дамиан, стараясь сохранять спокойствие. — Я просто не хочу разводиться. Это разные вещи.

— Для закона — нет, — отрезал Рорик. — Закон гласит: истинную пару нельзя отвергать. А вы, генерал, отвергаете. Вы не живёте с ней, не приносите клятвы, не представляете двору. Вы фактически игнорируете волю магии.

— Воля магии не должна разрушать то, что строилось годами, — возразил Дамиан.

Рорик усмехнулся — холодно, безжалостно.

— Вы так говорите, потому что влюблены. Влюблённость пройдёт. А магия останется. И если вы не подчинитесь, вы потеряете свою силу. А вместе с ней — способность командовать драконьей армией. Смертный не может быть генералом драконов.

Дамиан чувствовал, как в нём закипает гнев. Но он подавлял его, потому что знал: сейчас нельзя взрываться. Нужно говорить. Убеждать. Доказывать.

— Полковник, я понимаю ваше беспокойство. Но я прошу вас и всех присутствующих дать мне время. Я нашёл ведьму, которая проверит подлинность этой связи. Возможно, окажется, что руна — подделка.

— Подделка? — Рорик рассмеялся — сухо, недоверчиво. — Истинную руну нельзя подделать. Это магия, которая идёт от богов. Вы богохульствуете, генерал.

— Я ничего не богохульствую. Я просто не верю, что магия, которая заставляет меня чувствовать отвращение к так называемой «истинной», может быть настоящей.

Это заявление вызвало новую волну шёпота. Дамиан заметил, как некоторые солдаты переглянулись — и в их взглядах было сомнение. Хороший знак.

Но Рорик не собирался сдаваться.

— Генерал, — сказал он, повышая голос. — Я уважаю вас

как командира. Вы вели нас в бой, вы выигрывали невозможные битвы, вы спасали жизни. Но сейчас вы ставите под удар не только себя, но и всю армию. Если король узнает, что мы поддерживаем командира, отвергающего истинную пару — нас всех могут обвинить в измене.

— Король уже знает. Я был на слушании. Слушание отложено на неделю.

— Неделя ничего не решит. Истинность не исчезнет за неделю. А вот ваша репутация — может.

Рорик шагнул ещё ближе и понизил голос, чтобы слышал только Дамиан:

— Я говорю это как друг, а не как подчинённый. Прими её. Хотя бы номинально. Обвенчайся с ней на бумаге, живи отдельно, делай что хочешь. Но не ставь армию под удар. Солдаты не пойдут за командиром, которого магия считает проклятым.

Дамиан посмотрел в глаза Рорика. В них не было злобы. Был страх. Настоящий, животный страх человека, который видит, как рушится всё, что он строил.

— Ты веришь в магию, Рорик? — тихо спросил Дамиан.

— Я верю в закон. Закон защищает нас от хаоса.

— А я верил в честь. А теперь вижу, как мои солдаты превращаются в зомби.

Рорик отшатнулся.

— Что?

— Ты не заметил? — Дамиан обвёл рукой зал. — Посмот-

ри на них. На их глаза. Пустые, неживые. Они смотрят, но не видят. Слушают, но не слышат. Я встретил рядового Тернера — он стоял как истукан. Сержанты в учебном классе не подняли голов, когда я прошёл. Лазарет пустует. Еда в столовой нетронута. Что происходит с людьми, Рорик?

Полковник нахмурился. Он оглянулся на солдат — и только сейчас, кажется, заметил, что они выглядят странно. Стоят слишком ровно, дышат слишком синхронно, взгляды слишком одинаково устремлены в одну точку.

— Это... это из-за неё? — прошептал Рорик.

— Я не знаю, из-за кого. Но я знаю, что это не нормально. За пять лет моей службы я никогда не видел, чтобы гарнизон выглядел так, словно его заколдовали.

Дамиан отвернулся от Рорика и пошёл между рядами солдат. Они не двигались, не отводили глаз, не отдавали честь. Они просто стояли, как манекены.

Он остановился перед одним — капрал Бэйн, старый служака, ветеран трёх войн. Дамиан знал его как человека, который никогда не молчит, всегда ругается, всегда смеётся.

— Капрал Бэйн, — позвал Дамиан.

Солдат не ответил.

— Капрал, я обращаюсь к вам.

Никакой реакции.

Дамиан поднял руку и щёлкнул пальцами перед его лицом. Солдат моргнул — один раз, медленно — и снова застыл.

— Чёрная магия, — выдохнул Рорик, подходя сзади. — Я слышал о таком. Гипноз. Подчинение воли. Но чтобы в армии... чтобы так массово...

— Кто имел доступ к гарнизону в последние дни? — спросил Дамиан.

Рорик задумался.

— Только вы, я, офицеры... и она.

— Она?

— Леди Лириана. Она приходила вчера, якобы с поручением от короля — проверить наши оборонительные сооружения. Мы не могли отказать, у неё была печать.

Дамиан почувствовал, как кровь отливает от лица.

— Она была здесь? В казармах?

— Да. Ходила по всем зданиям, заглядывала в каждую комнату, разговаривала с солдатами. Очень милая, очень вежливая. Все были в восторге. Она даже принесла угощения — пироги, вино. Мы выпили за её здоровье.

— Вы пили вино? Которое она принесла?

— Ну да. Обычное угощение. Никто же не знал...

— Рорик, — Дамиан схватил его за плечо. — Ты идиот. Она могла подмешать туда что угодно.

Полковник побледнел.

— Но отравления не было. Никто не умер.

— Для чёрной магии не нужна смерть. Достаточно ослабить волю. Достаточно сделать разум податливым. А вино с дурманом — идеальный проводник.

Рорик тяжело опустился на скамью, стоящую у стены.

— Генерал... я не знал. Я не мог знать.

— Теперь знаешь. — Дамиан отпустил его плечо. — И теперь нужно решать, что делать.

Дорогие читатели! Приглашаю вас в новинку лит-моба “Измена по-драконьи” от Алекс Мара и Аля Арина - “Предана ради истинной. Прощай, мой генерал!”

Мой муж, генерал драконов, обвинил меня в преступлении против его истинной пары, разорвал наш брак и насильно выдал меня замуж в заброшенные земли. А теперь пытается меня вернуть...

<https://litnet.com/shrt/nqBP>

Глава 3.3

Он обошёл весь гарнизон за два часа.

Результат был удручающим: из трёхсот солдат и офицеров, дислоцированных в крепости, нормально реагировали на внешние раздражители только двадцать три человека. Остальные либо находились в трансе, либо двигались механически, либо отвечали односложно и без эмоций.

Дамиан заперся в своём кабинете с Рориком и горсткой офицеров, которые сохранили ясность рассудка. Их было всего пятеро: майор Кейн, капитан Эрхарт, лейтенант Вэллс, сержант Грей и сам Рорик.

— Докладывайте, — сказал Дамиан, садясь во главе длинного стола.

Майор Кейн, молодой, с пронзительными голубыми глазами, заговорил первым:

— Я проверил личный состав роты «Чёрные копыя». Из шестидесяти человек в сознании только шестеро. Остальные либо спят, либо бродят как сомнамбулы. Те, кто что-то говорит, повторяют одно и то же: «Истинная пара священна. Истинная пара не отвергается».

— У меня то же самое, — добавил капитан Эрхарт, коренастый мужчина с лицом бульдога. — Рота «Огненные драконы» — пятьдесят два человека. В строю — восемь. У остальных — остекленевшие глаза, ни реакции на приказы,

ни на угрозы. Я пытался ударить одного — он даже не уклонился.

— Он сломал руку тому солдату, — вставил лейтенант Вэллс. — А тот стоял и улыбался. Кровь текла, кость торчала, а он улыбался.

Дамиан сжал кулаки.

— Сержант Грей, что с новобранцами?

Сержант Грей, старый, с окладистой седой бородой, покачал головой.

— Хуже всех, генерал. Молодёжь всегда легче поддаётся внушению. Из сотни новобранцев только двое остались в своём уме. Остальные — как куклы. Я приказал им сесть — сели. Встать — встали. Маршировать — маршируют. Словно у них разум отключили, оставили только тело.

— Это классический гипноз, — сказал Рорик. — Я читал о таком в трактатах по чёрной магии. Маг навязывает жертве одну-единственную идею — и всё остальное перестаёт существовать. В данном случае идея: «Истинная пара Лирианы и Дамиана священна, её нельзя отвергать».

— Но почему они так легко поддались? — спросил майор Кейн. — Мы же солдаты. Нас учили сопротивляться магии.

— Нас учили сопротивляться боевой магии, — ответил Дамиан. — Огню, молниям, проклятиям. Но не тонкому внушению. К тому же, она использовала вино как проводник. Алкоголь ослабляет волю. Добавь туда немного дурмана, немного магической пылицы — и человек становится

пластилином.

— Что теперь делать? — спросил капитан Эрхарт. — Мы не можем оставить гарнизон в таком состоянии.

— Не можем, — согласился Дамиан. — Но и будить их насильно нельзя. Резкое прерывание гипноза может разрушить психику.

Он встал, прошёлся по кабинету, заложив руки за спину. В голове роились мысли, но ни одна не была готовым решением.

«Лириана действует быстро, — думал он. — Она не просто хочет меня заполучить. Она хочет лишить меня армии. Без армии я никто. Без солдат, которые пойдут за мной, я не смогу сопротивляться королю, не смогу защищать Рейну, не смогу ничего».

— Рорик, — сказал он, останавливаясь. — Сколько у нас людей, которые не пили её вино?

Рорик задумался.

— Те, кто был в карауле в тот день. И те, кто не любит сладкое. И те, кто вообще не пьёт. Примерно два десятка.

— Два десятка из трёх сотен. И это всё, на что мы можем рассчитывать?

— Пока да.

Дамиан посмотрел на каждого из присутствующих.

— Тогда у нас есть двадцать три человека. И я. Этого достаточно, чтобы защитить крепость в случае атаки. Но недостаточно, чтобы выиграть войну.

— Какую войну? — насторожился майор Кейн.

— Ту, которую эта женщина объявила моей семье. И моей армии.

Вечером, когда за окнами стемнело, а коридоры казарм погрузились в серый полумрак, Дамиан ушёл в свои покои — маленькую комнату с жёсткой койкой, письменным столом и картой королевства на стене. Рядом с картой висело единственное украшение: портрет Рейны, нарисованный придворным художником три года назад.

Он долго смотрел на портрет.

Рейна на нём была в форме королевского курьера — кожаная куртка, высокие сапоги, меч на поясе. Она не улыбалась — она вообще редко улыбалась на портретах. Но её глаза смеялись. Живые, тёплые, карие глаза, которые знали его лучше, чем он сам.

«Что бы ты сказала, если бы увидела меня сейчас? — подумал Дамиан. — Что бы ты сказала, узнав, что моя армия превратилась в стадо зомби? Что бы ты сказала, если бы знала, что я проигрываю?»

Он знал ответ. Она бы сказала: «Вставай, генерал. Дракон не сдаётся». Она бы сказала: «Найди способ». Она бы сказала: «Я верю в тебя».

Но она не говорила. Она отвернулась от него в зале суда,

потребовала развода и ушла с ледяным лицом. И он не мог её винить. Он сам виноват. Даже если магия заставила его — он всё равно виноват. Потому что не устоял. Потому что не выжег из себя эту руну. Потому что позволил Лириане войти в его жизнь.

— Генерал? — раздался голос за дверью. — Разрешите войти?

Это был Рорик.

— Входи, — сказал Дамиан, не оборачиваясь.

Рорик вошёл, тяжело ступая. Бряцнул оружием. Встал у порога.

— Я хотел извиниться, — сказал полковник. — За сегодняшнее. За то, что поднял бунт. За то, что усомнился в вас.

Дамиан повернулся к нему.

— Ты действовал в интересах армии. Я не сержусь.

— А надо бы. — Рорик почесал затылок. — Я повёлся на её чары. Как все. Выпил вина — и вдруг всё, что вы делаете, показалось мне неправильным. А до этого я знал вас семь лет. Знал, что вы не способны на предательство. Знал, что вы умный, честный, порядочный. А тут... будто пелена на глаза упала.

— Сейчас пелена спала?

— Не знаю. Наверное, да. Я снова вижу вас таким, как раньше. Но другие... другие всё ещё под её влиянием.

— Она сильная ведьма, — сказал Дамиан. — Или у неё сильный покровитель.

— Вы думаете, она не одна?

— Я ничего не думаю. Я только собираю информацию.

Рорик сел на табурет, стоящий у кровати.

— Генерал, разрешите спросить... вы правда считаете, что эта Лириана — подделка?

— Я считаю, что моя истинная пара не может вызывать у меня отвращение. Истинная пара — это вторая половинка души. Она должна быть близка, понятна, приятна. А от Лирианы меня тошнит. Физически. Когда она рядом, у меня начинается головокружение, тошнота, ломота в костях. Это не любовь. Это аллергия.

Рорик удивлённо поднял бровь.

— Аллергия на истинную пару? Никогда о таком не слышал.

— Потому что так не бывает. Истинная пара должна пахнуть цветами и счастьем. А Лириана пахнет гнилью и обманом.

— Тогда почему руна светится?

— Не знаю. Но я узнаю. Скоро я иду к ведьме Морвен. Она живёт в чащобе, знает всё о чёрной магии. Если кто и может определить подделку, то она.

— А если определит, что руна настоящая? Если окажется, что вы действительно должны быть с этой женщиной?

Дамиан замолчал. Этот вопрос мучил его каждую ночь, каждый час, каждую минуту. Что, если магия не врёт? Что, если Лириана — его судьба, а Рейна — просто ошибка? Что,

если он всю жизнь обманывал себя, веря, что может быть счастлив с той, кто не предназначен ему магией?

— Если руна настоящая, — медленно сказал он, — я отрежу её вместе с кожей. Я найду способ уничтожить связь. Даже если это будет стоить мне магии. Даже если это будет стоить мне жизни.

Рорик побледнел.

— Генерал, вы не можете. Закон...

— Плевать на закон. Плевать на магию. Плевать на короля. Я не буду жить с женщиной, которую ненавижу. Я не буду предавать Рейну. Я лучше стану смертным, лучше умру, чем позволю этой рыжей твари разрушить мою семью.

В комнате повисла тишина. Рорик смотрел на Дамиана с новым, непривычным выражением — смесью страха, уважения и чего-то ещё, похожего на надежду.

— Вы странный человек, генерал, — сказал он наконец.

— Знаю.

— Но я пойду за вами. Даже если солдаты не пойдут. Даже если весь мир отвернётся. Я пойду.

Дамиан положил руку ему на плечо.

— Спасибо, Рорик. Это много значит.

— Не благодарите. Просто делайте свою работу. Верните нашу армию. Верните себя. А мы... мы подержим спину.

Они пожали руки — крепко, по-мужски, без лишних слов. Потом Рорик ушёл, оставив Дамиана одного с портретом Рейны.

Дамиан подошёл к столу, достал из ящика кинжал — тот самый, которым пользовался в бою, когда не хотел брать в руки тяжёлый меч. Провёл пальцем по лезвию.

«Я приду к тебе, Морвен, — подумал он. — Я узнаю правду. А потом я верну Рейну. Чего бы это ни стоило».

Он спрятал кинжал обратно, погасил свет и лёг на койку, не раздеваясь.

Сон не шёл.

В голове крутились обрывки: пустые глаза солдат, равнодушный голос Лирианы, холодное лицо Рейны, звенящая тишина казарм.

И где-то на границе сна и яви ему почудилось, что кто-то шепчет его имя. Чей-то голос — сладкий, манящий, как сирена.

«Дамиан... Дамиан... приди ко мне... я твоя истинная... ты мой... навсегда...»

Он резко сел на койке.

В комнате никого не было. Только ветер гулял за окном, да где-то вдалеке выла собака.

Но голос не умолкал. Он звучал в его голове, въедался в мозг, в сердце, в самую душу.

— Отвяжись, — прошептал Дамиан. — Я не твой.

Голос засмеялся. Тихо, торжествующе.

«Ты мой. Ты всегда будешь моим. Магия не врёт».

Дамиан схватил подушку, зажал уши. Но голос был внутри. От него не спрятаться.

Он просидел так до утра — сжимая подушку, стиснув зубы, не смыкая глаз.

А на рассвете встал, умылся ледяной водой и пошёл к Морвен.

Потому что это был его единственный шанс.

Утром, когда первые лучи солнца пробились сквозь тучи, Дамиан встретил Рейну во дворе дворца.

Она выходила из крыла, выделенного ей королём, в сопровождении Серафины и пожилого мужчины в чёрной мантии — вероятно, того самого адвоката, которого она наняла. Увидев Дамиана, она замедлила шаг, но не остановилась.

— Леди Рейна, — окликнул он. — Могу я попросить вас уделить мне минуту?

Она остановилась. Посмотрела на Серафину — та пожала плечами. Посмотрела на адвоката — тот что-то шепнул, и она кивнула.

— У нас есть десять минут, генерал. Говорите.

Они отошли к старой липе, росшей в углу двора. Листья шелестели, отбрасывая кружевные тени на гранитные плиты.

— Я уезжаю, — сказал Дамиан. — К ведьме Морвен. Сегодня.

— Я знаю, — ответила Рейна. — Ты говорил.

— Я хотел сказать... что бы я ни узнал, я сделаю всё, чтобы

освободиться от этой связи. Не ради тебя. Не ради нас. Ради себя. Потому что я не могу жить так.

Рейна молчала.

— Ты нужна мне, — продолжал Дамиан. — Не как жена. Не как истинная. Как человек, который верит в меня. Который знает меня настоящим. Я не хочу, чтобы последним, что ты обо мне запомнила, была та ночь.

— А что ты хочешь, чтобы я запомнила? — спросила Рейна. Голос её был ровным, но в глазах промелькнуло что-то живое.

— Наше утро. Любое утро. Когда мы пили кофе, спорили о политике, смеялись над дураками. Я хочу, чтобы ты помнила, что я был хорошим мужем. Пять лет. А один день — это просто... ошибка. Чья-то злая шутка.

— Ошибка, которая стоила мне всего, — сказала Рейна. — Ты понимаешь это, Дамиан? Ты понимаешь, что та ночь перечеркнула всё? Каждое твоё доброе слово, каждый цветок, каждое объятие — всё теперь пахнет ложью. Потому что если магия сильнее любви, значит, любви никогда не было. Была просто привычка.

— Нет, — горячо возразил Дамиан. — Любовь была. И есть. Просто магия оказалась сильнее, чем мы думали. Но это не значит, что любовь нереальна. Это значит, что мы не знали врага.

— Ты считаешь меня врагом?

— Нет. Я считаю врагом магию, которая хочет нас разлу-

чить.

Рейна покачала головой.

— Магия не разлучает. Она соединяет. Она показала тебе твою истинную. И если Лириана — она, то... нам нечего обсуждать.

— А если нет? Если она — подделка? Если я прав? Если чёрная магия заставляет меня верить в то, чего нет?

— Тогда... тогда я ещё подумаю, стоит ли давать тебе второй шанс. — Рейна посмотрела ему прямо в глаза. — Но не сейчас. Сейчас ты должен ехать. И я должна готовиться к суду.

Она развернулась и ушла, не оглядываясь.

Дамиан смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью.

«Я верну тебя, — пообещал он мысленно. — Я верну тебя, даже если для этого придётся сжечь весь мир».

Он повернулся и пошёл к конюшне, где его ждал конь — чёрный, как сама ночь, с глазами, горящими алым огнём.

— В путь, — сказал он коню. — К ведьме.

Конь всхрапнул, ударил копытом и понёсся вперёд — к воротам, к лесу, к неизвестности.

А позади остались казармы с зомбированными солдатами, дворец с холодным королём и женщина, которую он любил больше жизни.

И он знал: если проиграет сейчас, то проиграет навсегда. Но он не собирался проигрывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.